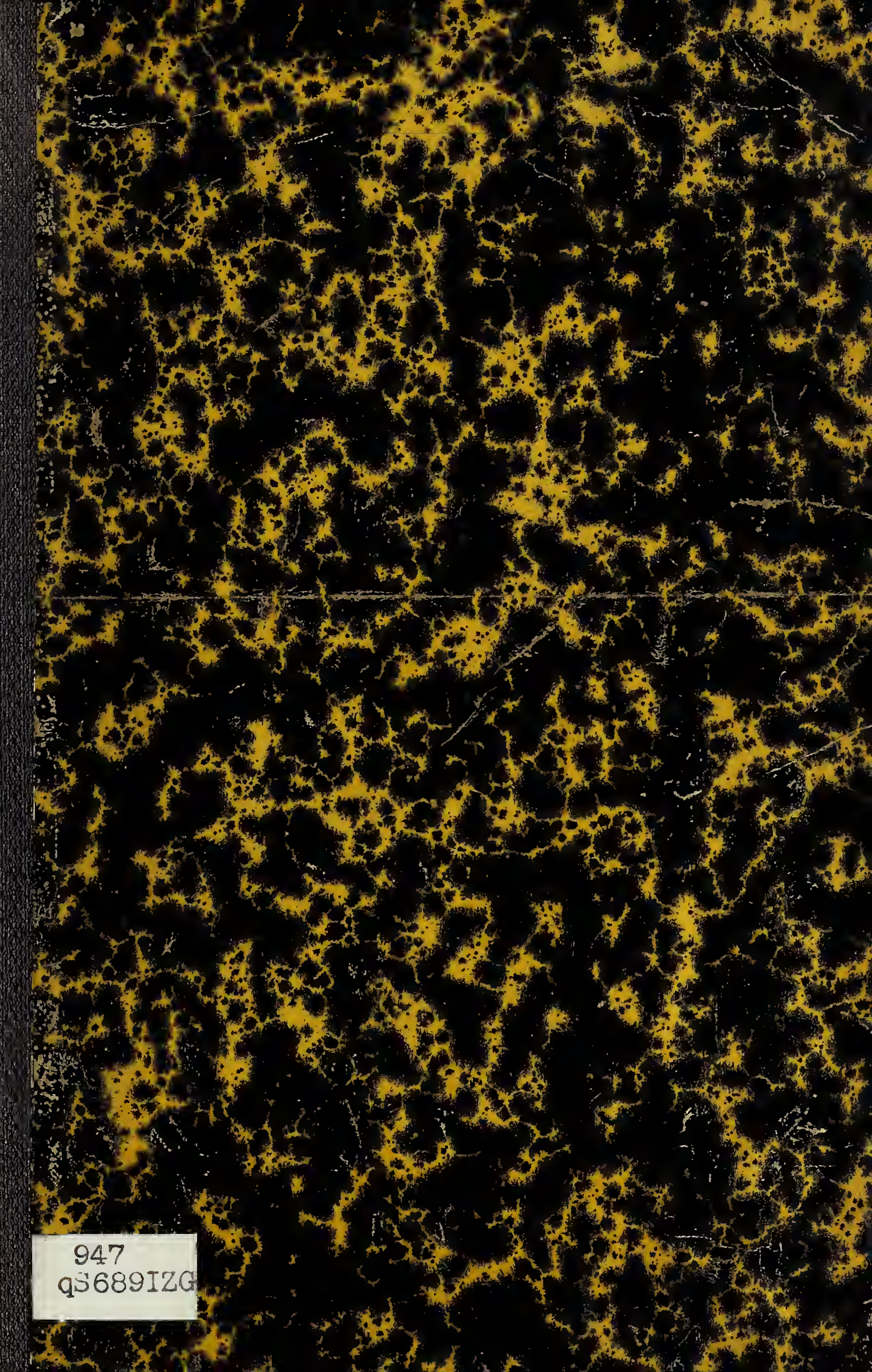

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

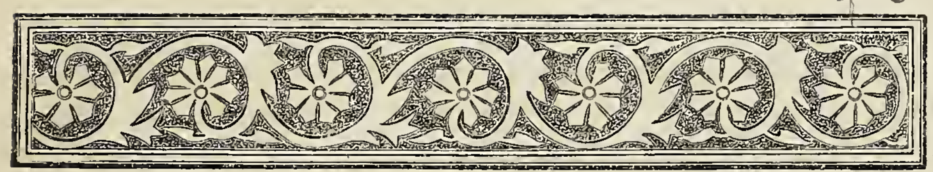
СОЛОВЬЕВЪ

В. И. ГЕРЬЕ

(ОТТИСКИ ИЗЪ ЖУРНАЛА „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1880

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 января 1880 г.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Редакція „Историческаго Вѣстника“ обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ написать для первой книжки новаго журнала нѣсколько словъ о покойномъ историкѣ, котораго всѣ такъ единодушно цѣнили при жизни и значеніе котораго еще болѣе выяснилось съ его утратой. Я не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ этого предложенія. Всесторонняя и полная оцѣнка такого ученаго, какъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, конечно принадлежитъ потомству; во всякомъ случаѣ она возможна будетъ только тогда, когда напечатается его біографія. Но и то, что чувствуется современниками подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ понесенной утраты и пережитой разлуки, имѣетъ право быть высказано: это долгъ почтенія и любви, который мы отдаемъ покойному,—вѣнокъ, который мы опускаемъ на его свѣжую могилу.

> Каждому дню его забота, каждому вѣку его трудъ; нашему времени завѣщано собрать во-едино всѣ части Русской исторіи, найдти ихъ смыслъ и примирить всѣ эпохи.
>
> Соловьевъ.

Не среди русской только исторіографіи слѣдуетъ отыскивать мѣсто, принадлежащее Сергѣю Михайловичу Соловьеву по его заслугамъ въ наукѣ. Мѣриломъ его ученой дѣятельности должно быть сопоставленіе его съ современными историками другихъ европейскихъ націй. Самое различіе, которое откроется при такомъ сопоставленіи, покажетъ намъ, чѣмъ онъ былъ для Русской исторіи, чѣмъ ему обязанъ Русскій народъ. Поставимъ прямо вопросъ, можетъ ли какой нибудь другой изъ европейскихъ народовъ гордиться въ наше время національнымъ историкомъ? Возьмемъ наприм. родину Шлецера и Нибура, колыбель исторической науки: нѣмецкіе ученые внесли свѣтъ въ исторію почти

всѣхъ другихъ народовъ, основательно разработали свою собственную исторію, но ни одного изъ нихъ не можетъ привѣтствовать Нѣмецкій народъ своимъ національнымъ историкомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ Германіи доживаетъ теперь свой славный вѣкъ патріархъ нѣмецкой исторіографіи, 84-лѣтній Леоп. Ф. Ранке; уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ молодой Грановскій, слушавшій тогда его лекціи, писалъ о немъ съ восторгомъ, что „это безспорно самый геніальный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ“; и не смотря на то, что съ тѣхъ поръ выросло и успѣло состариться цѣлое поколѣніе знаменитыхъ историковъ, этотъ отзывъ о Ранке и теперь еще можетъ быть признанъ справедливымъ. Ученая дѣятельность Ранке изумительна. Въ настоящее время полное собраніе сочиненій его достигло 45 томовъ. Это великая школа, въ которой почти всѣ европейскіе народы отъ испанцевъ до сербовъ могутъ научиться своему прошедшему; Нѣмецкій же народъ найдетъ здѣсь изображеніе самой великой эпохи своей жизни, реформаціоннаго вѣка, но не найдетъ своей національной исторіи. Въ плодотворной дѣятельности Ранке высказывается универсальный и отвлеченно-научный характеръ нѣмецкой исторіографіи, въ которой выразился общій строй политической и духовной жизни Германіи, приведшій ее только въ наши дни къ національному единству.

Совершенно иной ходъ развитія представляетъ исторія Франціи. Здѣсь условія были гораздо благопріятнѣе для возникновенія цѣльной національной исторіи. Судьба Французскаго народа представляетъ болѣе строгое единство, болѣе органическое развитіе, лучшую такъ сказать архитектурность, и потому во Франціи чаще чѣмъ гдѣ-либо появлялись писатели, которымъ удавалось изобразить въ полномъ и связномъ разсказѣ исторію своего народа. Однако недавно еще самый талантливый изъ историковъ Франціи жаловался на то, что его народъ не имѣетъ національной исторіи [1]), что у него были анналы, но не было исторіи. Говоря о „славной плеядѣ“ предшествовавшихъ ему историковъ,—Гизо, Минье, Тьерѣ, Ог. Тьери, — онъ указываетъ на то, что каждый изъ нихъ разсматриваетъ исторію съ какой нибудь спеціальной точки зрѣнія. „Одинъ занятъ вопросомъ о расѣ, другой — исторіей учрежденій и пр., не замѣчая, что такой пріемъ всегда нѣсколько искусственъ, даетъ невѣрный профиль, вводитъ въ заблужденіе на счетъ цѣлаго, упуская существенное, общую гармонію“. Самъ Мишле былъ какъ будто призванъ восполнить этотъ пробѣлъ. Онъ поставилъ себѣ высокую цѣль, широко понялъ свою задачу. Онъ хотѣлъ постигнуть, охватить исторію своего народа „въ живомъ единствѣ ея составныхъ элементовъ“. Онъ говорилъ, что ему первому Франція представляется какъ живое лицо, одаренное душой (comme une âme et une personne). Судьба благопріятствовала моло-

[1]) Мишле, въ предисловіи къ его „Исторіи Франціи“, изд. 1869 г.

дому историку, рано принявшемуся за то, что онъ сдѣлалъ задачей своей жизни. Онъ дожилъ до 73 лѣтъ и до послѣдняго дня владѣлъ своимъ талантомъ. Онъ оставилъ послѣ себя длинный рядъ томовъ, въ которыхъ онъ касается всѣхъ эпохъ Французской исторіи почти до нашихъ дней. Но въ этомъ замѣчательномъ трудѣ нѣтъ изображенія „великаго поступательнаго внутренняго движенія, развитія души народной", котораго не находилъ онъ у другихъ историковъ. Крутой переворотъ, совершившійся въ исторіи Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ какъ для многихъ другихъ, такъ и для Мишле, внутренній переломъ, внесъ раздвоеніе, противорѣчіе въ его воззрѣнія на исторію Франціи. Историкъ утратилъ пониманіе единства, цѣльности жизненнаго процесса, представляемаго исторіей. Вмѣсто жизни онъ видѣлъ въ прошедшемъ только смерть, вмѣсто прогресса—только отрицаніе его. Онъ не только выкинулъ изъ исторіи Франціи предшествовавшіе революціи вѣка монархическаго правленія, какъ „эпоху мертвецовъ", но и жизненное начало древнихъ вѣковъ померкло въ его глазахъ. Онъ повѣрилъ „смерти католицизма", и церковь сдѣлалась для историка „чуждымъ міромъ, предметомъ простой любознательности, подобно лунѣ". Когда послѣ занятій по эпохѣ революціи онъ возвратился къ Среднимъ Вѣкамъ, эта эпоха представилась ему „горделивымъ моремъ нелѣпостей"—и историкомъ, искавшимъ національной души, овладѣлъ „судорожный смѣхъ". И потому, не смотря на свой блестящій талантъ, не смотря на свое пламенное сочувствіе національному духу, не смотря на громадныя средства, какія ему представляла французская наука,—Мишле не достигъ своей цѣли, онъ не былъ въ состояніи создать настоящую національную исторію Франціи.

То, чего не дали своему народу первоклассные историки другихъ странъ—національную исторію, которая соединяла бы научную обработку исторіи съ творческимъ воспроизведеніемъ ея — то далъ русскимъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Въ этомъ заключается великая заслуга, оказанная имъ Русскому обществу и европейской наукѣ. Но важность этой заслуги, значеніе „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" въ исторіи русской науки и русской культуры представятся намъ въ полномъ свѣтѣ, когда мы дадимъ себѣ отчетъ, въ какомъ именно смыслѣ громадный трудъ покойнаго историка заслуживаетъ названія національной исторіи, на какихъ основаніяхъ мы должны признать за нимъ право на это названіе? Ради большей наглядности мы здѣсь же укажемъ тѣ основанія, которыя мы предполагаемъ подробнѣе развить въ нашемъ очеркѣ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" должна быть признана національной исторіей, потому что въ ней впервые историческій матеріалъ, необходимый для такого труда, собранъ и изслѣдованъ въ надлежащей полнотѣ; эта исторія написана въ національномъ духѣ, т. е. въ ней вѣрно схвачены существенныя черты и форма историческаго развитія націи; эта

національная исторія написана въ строго-научномъ направленіи: она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и пріемамъ современнаго историческаго знанія и имѣетъ право на почетное мѣсто въ европейской наукѣ; наконецъ эта національная исторія, написанная при полномъ освѣщеніи современнаго европейскаго образованія, въ свою очередь стала проводникомъ его въ Русскомъ обществѣ; она проникнута гуманнымъ, общечеловѣческимъ началомъ и потому имѣетъ важное культурное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, представляетъ собою національное произведеніе въ истинномъ, высокомъ смыслѣ этого слова.

„Когда увидимъ мы полную Русскую исторію?“ нетерпѣливо спросилъ великій Преобразователь Россіи у Ѳеофана Прокоповича. Когда сто лѣтъ спустя смерть Карамзина прервала „Исторію Государства Россійскаго“ на 1611 году, русскіе люди повторяли, сожалѣя объ утратѣ историка, вопросъ Петра Великаго: „когда увидимъ мы полную Русскую исторію?“—Этотъ вопросъ наконецъ нашелъ себѣ отвѣтъ въ трудѣ С. М. Соловьева, въ непрерывномъ, долголѣтнемъ трудѣ его жизни. Онъ довелъ свой разсказъ о судьбахъ Русскаго народа до 1774 г.; отдѣльныя монографіи его бросаютъ свѣтъ на дѣла послѣднихъ годовъ XVIII вѣка и на царствованіе Александра I. Но подъ полнотой Русской исторіи слѣдуетъ разумѣть не одинъ только хронологическій объемъ разсказа. Исторія С. М. Соловьева представляетъ намъ полную Русскую исторію еще и въ другомъ смыслѣ: она заключаетъ въ себѣ замѣчательно полное собраніе, обслѣдованіе и воспроизведеніе историческаго матеріала. Авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ долженъ былъ въ одно время организовать, строить, создавать исторію на новыхъ началахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изучать, открывать для этой исторіи непочатыя богатства, хранившіяся въ архивахъ. Онъ не считалъ себя въ правѣ приступить безъ этой полноты матеріала къ созданію полной исторіи своего народа. Нужно было много самообладанія, много любви къ научному труду, много нравственной энергіи и сознанія своихъ силъ, чтобы, не увлекаясь желаніемъ быстраго успѣха и не опасаясь утомленія въ преодолѣваніи громадной работы, идти мѣрнымъ шагомъ впередъ къ отдаленной цѣли, которая могла быть достигнута только какъ поздній плодъ долгой трудовой жизни. С. М. Соловьевъ съумѣлъ побороть въ себѣ то естественное въ историкѣ и всегда преобладающее въ публикѣ „стремленіе къ новымъ временамъ“, на которое указывалъ еще Ливій. Но у историка Россіи не было того мотива, который заставлялъ римскаго историка уходить въ глубь временъ, — желанія избавиться отъ созерцанія современныхъ золъ: имъ руководило ясное сознаніе, что только тщательнымъ изученіемъ древнѣйшихъ судебъ Русскаго народа, только документальнымъ изложеніемъ его исторіи могло быть положено прочное основаніе исторической наукѣ въ Россіи; что только этимъ путемъ Русская исторія могла быть избавлена отъ незрѣлыхъ мечтаній и фантазій дилетантовъ.

Мы мало знаемъ историковъ, которые до такой степени соединяли бы въ себѣ два различныхъ интереса, представляемыхъ исторіей—стремленіе къ изслѣдованію, къ обогащенію историческаго матеріала, съ потребностью возстановить полный и цѣльный образъ прошедшаго, т. е. чисто научный интересъ—съ творческимъ. Постоянная, непрерывная работа надъ матеріаломъ не могла не отразиться и на трудѣ историка. Научное отношеніе къ матеріалу имѣло своимъ послѣдствіемъ документальность самаго изложенія. Это документальное изложеніе задерживало историка, утомляло читателей. Но не слѣдуетъ быть несправедливымъ къ этой существенной сторонѣ произведеній С. М. Соловьева. Она не мѣшала проявляться творческой дѣятельности историка, и среди страницъ, передающихъ намъ понятія, языкъ прошедшихъ эпохъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ художественныя страницы, достойныя великихъ мастеровъ. Кромѣ того, значеніемъ, которое отведено источникамъ, объусловливается свѣжесть, реальность изложенія Соловьева, точность его языка. Но главный смыслъ этой документальности изложенія мы видимъ въ томъ, что только такимъ способомъ русская исторіографія могла быть поставлена на новый путь. Уже Карамзинъ сознавалъ новое призваніе современной исторіографіи. „Мы не можемъ, сказалъ онъ, нынѣ витійствовать въ исторіи; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ дѣеписаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія“ и пр. Но въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Карамзинъ лучше предчувствовалъ, чѣмъ осуществлялъ истинныя потребности исторической науки. И вкусы литератора, и воспитаніе, полученное имъ въ эпоху, отличавшуюся совершенно инымъ духомъ, и потребности времени, когда онъ писалъ исторію государства Россійскаго,—все это мѣшало ему слѣдовать чисто научному направленію. Карамзинъ отвернулся отъ риторическаго направленія своихъ предшественниковъ, но онъ не былъ въ силахъ отлучить отъ дѣеписанія пріемы и вкусы поэта. Его преемникъ имѣлъ полное право назвать въ похвальномъ словѣ Карамзину „Исторію Государства Россійскаго“ величественной поэмой, воспѣвающей государство“ [1]). Вкусъ и потребности литературы заставляли Карамзина въ дѣятеляхъ Русской исторіи прежде всего искать „славныхъ характеровъ для исторической живописи“ [2]). Поэтическое настроеніе заставляло Карамзина относиться холодно къ прозѣ исторіи. Въ тѣхъ эпохахъ Русской исторіи, гдѣ не было матеріала для поэта, Карамзинъ „искалъ оазисовъ среди пустыни“, отыскивалъ ихъ иногда очень далеко; такимъ оазисомъ напримѣръ является у него Тамерланъ, имѣвшій мало отношенія къ исторіи Москвы. „Талантъ Карамзина требовалъ возбужденія отъ источниковъ“ [3]). Соб-

[1]) Рѣчи, произнесенныя въ Московскомъ университетѣ въ день Карамзинскаго юбилея, 1867 г., стр. 7.

[2]) Сказано по поводу Іоанна Грознаго въ письмѣ Карамзина къ Тургеневу.

[3]) С. М. Соловьевъ: Карамзинъ и его литературная дѣятельность. „Отеч. Зап.“ 1853—56 гг. Ст. VI, III, стр. 411.

ственное значеніе источника уходило такимъ образомъ на второй планъ. Нужно было послѣ Карамзина поставить источникъ на первый планъ, возстановить прежде всего его права при воспроизведеніи прошедшаго: нужно было познакомить читателей съ источниками, пріучить ихъ къ трезвой правдѣ, къ простотѣ старины. Вотъ въ чемъ заключается, кромѣ научной стороны дѣла, воспитательное значеніе документальнаго изложенія. Прочтите напримѣръ у Карамзина блестящее описаніе взятія Казани,—это описаніе, такъ ласкающее, какъ сказалъ Соловьевъ, нашъ русскій слухъ, и сравните съ нимъ противопоставленный ему у Соловьева разсказъ источника, который такъ тяжелъ и сухъ, потому-что „наука имѣетъ свои требованія".—и необходимость документальнаго изложенія въ дальнѣйшемъ развитіи русской исторіографіи будетъ ясна сама собой.

Но національный характеръ историческаго произведенія обусловливается не одной только полнотой его содержанія и обиліемъ заключающагося въ немъ матеріала, а главнымъ образомъ тѣмъ духомъ, которымъ оно проникнуто, разумѣніемъ предмета и той цѣлью, которую ставитъ себѣ историкъ. Въ этомъ именно смыслѣ трудъ Соловьева есть вполнѣ національная исторія. Въ исторіи, какъ правильно опредѣлилъ Соловьевъ, „выражается народное самосознаніе". Этому высоко-понятому національному интересу, выясненію народнаго самосознанія, служилъ Соловьевъ. Въ этомъ смыслѣ онъ понималъ свою задачу, и онъ обладалъ всѣми свойствами, чтобъ ее осуществить.

Мы выше упомянули о Ливіи и считаемъ себя въ правѣ остановиться на этомъ сопоставленіи. При всемъ различіи между историками, при всемъ различіи эпохъ, культуръ и народовъ, къ которымъ они принадлежали, ихъ произведенія представляютъ одну общую сторону, поучительную для нашей цѣли. Эпоха Ливія требовала отъ историка гораздо менѣе ученой работы, чѣмъ нашъ вѣкъ, и въ то же время требовала болѣе риторичности, искусственности, чѣмъ мы считаемъ совмѣстнымъ съ исторической правдой. Но не смотря на эти недостатки, на эти чуждыя намъ стороны, въ твореніи римскаго историка есть какая-то внутренняя правда, которая привлекаетъ насъ и заставляетъ довѣрять ему вопреки наивнымъ пріемамъ его исторической критики и вымышленнымъ рѣчамъ его героевъ. Всякій чувствуетъ, что есть извѣстная гармонія между характеромъ Римскаго народа и книгой, въ которой разсказаны его судьбы, что историкъ инстинктивно постигъ духъ, создавшій исторію, имъ излагаемую. Ливій жилъ въ эпоху, когда пали древне-римскія учрежденія, когда исчезали политическіе идеалы, создавшіе величіе Рима, когда разлагались вѣрованія, составлявшія нравственную силу древнихъ римлянъ. Но сожалѣніе объ утраченномъ изощрило чутье римскаго историка и, желая воскресить римскую старину, онъ поступилъ совершенно правильно, вложивъ въ свой разсказъ тотъ духъ, который нѣкогда составлялъ жизненное начало предковъ—любовь къ республикѣ, подчи-

неніе закону и почтеніе къ богамъ. У римлянъ и до Ливія были свои историки, которымъ онъ обязанъ всѣмъ, что у него читаемъ; но не даромъ онъ одинъ остался національнымъ историкомъ Рима: онъ угадалъ народный духъ римлянъ и, одушевленный имъ, объяснилъ ихъ исторію. Римская исторія Ливія показываетъ намъ, какъ существенно для историка извѣстнаго народа носить въ самомъ себѣ отпечатокъ народнаго духа. Если исторія выражаетъ собою народное самосознаніе, то историкъ, чрезъ посредство котораго совершается это самосознаніе, долженъ сочувственно относиться къ существеннымъ чертамъ и сторонамъ въ историческомъ развитіи своего народа. Именно эти условія для національнаго историка соединялись въ высшей степени въ С. М. Соловьевѣ. Глубоко въ его натурѣ коренились три великіе инстинкта Русскаго народа, безъ которыхъ этотъ народъ не имѣлъ-бы исторіи — его политическій, религіозный и его культурный инстинкты, выразившіеся въ его преданности государству, въ его привязанности къ церкви и въ его потребности просвѣщенія.

Государство вездѣ имѣетъ великое значеніе въ народной жизни, но нигдѣ оно не играло такой преобладающей роли, какъ въ жизни Русскаго народа. Недаромъ самое пробужденіе національнаго сознанія выражается у русскихъ въ преданіи о призваніи князя, объ основаніи государства. Чрезъ государство Русскій народъ достигъ самобытности; государство было для него залогомъ всего дальнѣйшаго историческаго развитія; оно заставило преодолѣть суровую природу той области, которая сдѣлалась школой для созрѣвавшаго народа; оно побѣдило азіатскихъ кочевниковъ и сдѣлалось притягательной силой, превратившей татарскихъ князей въ покорныхъ слугъ русской власти; чрезъ государство наконецъ Русскій народъ сдѣлался европейскимъ. Политическій смыслъ, который побуждалъ Русскій народъ всегда стоять за государство, не смотря на его суровыя формы, и покорно нести тяжелое тягло,—былъ въ сильной степени прирожденъ Соловьеву; этотъ политическій смыслъ послужилъ ему вѣрнымъ руководителемъ на поприщѣ Русской исторіи. Когда складывался его умъ, когда онъ началъ писать свою исторію, онъ особенно въ немъ нуждался. Государство тогда само подкапывало вѣру въ себя среди лучшихъ русскихъ людей. Оно забыло о своемъ культурномъ призваніи, его формы быстро омертвѣли подъ исключительнымъ вліяніемъ охранительнаго начала, и обществомъ овладѣло скептическое отношеніе ко всему оффиціальному. Что среди такого отрицательнаго направленія молодой ученый сохранилъ пониманіе историческаго значенія государства,—есть ясный признакъ прирожденнаго ему призванія быть историкомъ, интересъ котораго идетъ дальше временнаго настроенія и потребности. Но не одною отвлеченною способностью ума слѣдуетъ объяснить это пониманіе государства; въ основаніи его лежитъ и нравственное начало: чувство долга, уваженіе къ возложеннымъ жизнью или добровольно принятымъ на себя обязанностямъ—свой-

ства, которыми въ рѣдкой степени былъ одаренъ покойный историкъ. Вся его жизнь, какъ частная, такъ и оффиціальная, была проникнута сильно развитымъ чувствомъ порядка, внутренняго подчиненія отдѣльнаго лица цѣлому, сознаніемъ того „космоса", которымъ держится нравственный міръ и высшимъ выраженіемъ котораго въ человѣческомъ обществѣ является государство.

Это нравственное начало въ С. М. Соловьевѣ безъ сомнѣнія находило себѣ сильную поддержку въ его религіозности. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ самобытностью, съ крѣпкой цѣльностью въ его характерѣ. Въ эпоху, когда многія религіозныя натуры, не перенеся дисгармоніи между абсолютной идеей и временными, конкретными представленіями о ней, ищутъ убѣжища внѣ всякихъ опредѣленій и формъ, С. М. Соловьевъ твердо стоитъ не только на почвѣ христіанства, но и въ предѣлахъ церковнаго ученія. Для него вѣра исключала понятіе о самостоятельности человѣка и включала необходимость откровенія. „Вѣровать можетъ человѣкъ только въ абсолютно-истинное", а только то, что дано откровеніемъ, есть истина обсолютная. т. е. „вѣчная и неизмѣнная" [1]). С. М. Соловьевъ принадлежалъ по своему признанію къ „страстнымъ приверженцамъ прогресса", но въ области религіи онъ его отрицалъ. Вѣра по его опредѣленію „обусловливается отрицаніемъ прогресса относительно вѣры". Прогрессъ и религія (христіанская) для него были понятіями противоположными; одно означаетъ движеніе, измѣненіе, другое предполагаетъ неизмѣнность. „Если вы скажете человѣку, что то, во что онъ вѣруетъ, теперь упразднится, что будетъ религія высшая,—то кто будетъ вѣрить, кто согласится признавать извѣстное ученіе истиннымъ, будучи убѣжденъ, что спустя нѣкоторое время это ученіе будетъ опровергнуто, какъ ложное и замѣнится другимъ". Въ приложеніи идеи прогресса къ явленіямъ религіозной жизни онъ усматривалъ „незаконное смѣшеніе области религіозной съ другими сферами человѣческой дѣятельности". Съ религіозной точки зрѣнія самый прогрессъ представляется ему условіемъ жизни здѣшней, а потому не вѣчнымъ. Изъ различныхъ философскихъ взглядовъ онъ предпочиталъ тотъ, который наиболѣе гармонировалъ съ его религіознымъ настроеніемъ. взглядъ, уподоблявшій народы и человѣчество индивидуальнымъ организмамъ и потому усматривавшій въ жизни народовъ и человѣчества ту же смѣну возрастовъ и ту-же конечную судьбу, какимъ подчинено все органическое. Прогрессъ есть явленіе земное и „человѣчество должно одряхлѣть и умереть". Но религія, какъ ее понималъ нашъ историкъ, не противорѣчитъ прогрессу; напротивъ, при религіозномъ взглядѣ на исторію человѣчества самый прогрессъ обусловливается религіознымъ началомъ: христіанство требуетъ отъ человѣка безко-

[1]) Статья „Прогрессъ и религія", въ „Журналѣ Министер. Народнаго Просв.". 1868 г., сентябрь

нечнаго совершенствованія. Это стремленіе къ совершенству, которое не можетъ быть достигнуто, есть причина прогресса. Прогрессъ такимъ образомъ происходитъ отъ невозможности приблизиться къ идеалу; онъ есть „произведеніе слабости человѣческихъ средствъ и высоты религіозныхъ требованій, поставленныхъ христіанствомъ; христіанство поднимаетъ человѣка на высоту, и это-то стремленіе человѣчества къ идеалу, выставленному христіанствомъ, есть прогрессъ въ мірѣ нравственномъ и общественномъ“.

Дѣло біографа выяснить, какое значеніе имѣло религіозное начало во внутренней жизни покойнаго. Ему конечно онъ былъ обязанъ тѣмъ миромъ и спокойствіемъ, которыми дышалъ весь его образъ; ему же онъ былъ обязанъ тѣми минутами „праздничнаго настроенія“, въ которыхъ онъ черпалъ новыя силы для своего неимовѣрнаго труда. Онъ высоко цѣнилъ обрядъ, но для него обрядъ былъ выраженіемъ живаго начала. Мы касаемся здѣсь этого начала только по его отношенію къ дѣлу историка. А это отношеніе было самое близкое. Если государственнымъ строемъ объусловливались самобытность и крѣпость Русскаго народа, то въ не меньшей степени имѣла на это вліяніе и церковь. Религіозное одушевленіе было самымъ сильнымъ нравственнымъ началомъ въ древней Россіи. Религіозное единеніе, „которое въ свое время было гораздо обширнѣе государственнаго, подготовляло и скрѣпляло политическое объединеніе русскихъ людей“. Въ тяжелую минуту, когда смута ослабила государство, „возбужденіе религіознаго интереса дало знамя, средоточіе для жителей Московскаго государства, дало имъ возможность высвободиться изъ прежней разрозненности для общаго дѣла, указало имъ единство не народное, не государственное, но религіозное—общую купель, въ которой они крестились въ православную вѣру“ [1]). Религіозный интересъ, строгая церковность, служили такимъ образомъ гармонической связью между внутреннимъ настроеніемъ историка и господствовавшимъ въ исторіи Россіи нравственнымъ началомъ.

Но указанныхъ свойствъ было бы недостаточно, чтобы сдѣлать С. М. Соловьева національнымъ историкомъ въ полномъ значеніи этого слова. Исторія Русскаго народа не исчерпывается исторіей государства и церковнаго вліянія. Рядомъ съ ними нужно отмѣтить слабое въ началѣ, но все болѣе развивающееся стремленіе къ просвѣщенію, къ обще-человѣческому образованію. Кто не отнесется правильно къ этому стремленію, кто не отведетъ ему подобающаго мѣста въ исторіи, тотъ не можетъ написать вѣрной исторіи Русскаго народа. Въ С. М. Соловьевѣ это стремленіе нашло себѣ конечно полный и искренній отголосокъ; онъ былъ человѣкъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ европейскаго образованія. Научный интересъ и гуманное образованіе умѣряли и просвѣтляли его стремленія. Мы говорили

---

[1]) Ист. Россіи, XIII, стр. 51.

о его государственности, т. е. о прирожденномъ ему политическомъ смыслѣ: мы должны будемъ въ своемъ мѣстѣ указать на его научный и гуманный взглядъ на государство, который онъ внесъ въ свою исторію. Но прежде чѣмъ разсмотрѣть научную и культурную стороны его историческаго труда, мы необходимо должны указать на ту среду, подъ вліяніемъ которой въ немъ развились эти стремленія.

Въ тѣ дни, когда нашъ молодой историкъ готовился къ своему призванію, вниманіе Русскаго общества занималъ вопросъ объ отношеніяхъ Русскаго народа къ другимъ европейцамъ, національнаго духа къ общечеловѣческому просвѣщенію, и различные взгляды на этотъ предметъ выразились въ литературныхъ направленіяхъ и партіяхъ. Приверженцы европейскаго, общечеловѣческаго, были названы западниками; названіе одностороннее, неправильное, потому что указывало на внѣшній признакъ явленія, упуская изъ вида его сущность; названіе несправедливое, потому что заключало въ себѣ укоръ, а укоръ могъ только относиться къ увлеченію, къ злоупотребленію новымъ принципомъ, которыя вовсе не вытекали изъ самаго принципа въ самомъ себѣ вѣрнаго. Западники 30—50 годовъ имѣли право на совершенно иное названіе. Это были русскіе гуманисты. Нѣтъ основанія пріурочивать этотъ терминъ исключительно къ эпохѣ ренесанса, къ людямъ, проводившимъ тогда въ европейскомъ обществѣ греко-римскую образованность. Ихъ дѣятельность положила собственно только начало европейскому гуманизму. Идеалы гуманизма развивались и расширялись подъ вліяніемъ европейской науки и европейской мысли. Самое пониманіе классическаго міра и его цивилизаціи сдѣлалось со временемъ вѣрнѣе и глубже. Итальянскіе гуманисты XV и XVI вѣковъ искали свои идеалы преимущественно въ Римѣ и здѣсь отчасти въ эпохѣ перерожденія и паденія античной цивилизаціи. Высшій цвѣтъ этой цивилизаціи былъ раскрытъ только въ XVIII вѣкѣ, когда основаніе новой эпохи гуманизма было положено Винкельманомъ. На этомъ гуманизмѣ воспитались классическіе поэты Германіи: Лессингъ, Гердеръ, Шиллеръ и Гёте, которые внесли гуманистическій элементъ въ нѣмецкую литературу и этимъ подняли культуру нѣмецкую, дали ей міровое значеніе. Здѣсь гуманизмъ получилъ иной, болѣе широкій смыслъ, что выразилось уже въ самомъ измѣненіи значенія слова гуманный; классическій гуманизмъ сдѣлался лишь однимъ изъ составныхъ элементовъ европейскаго гуманизма, т. е. гуманнаго, общечеловѣческаго начала. Въ этотъ европейскій гуманизмъ стали тогда входить двѣ новыя живительныя струи — идеалистическая философія, которая внесла въ духовный міръ человѣка пониманіе исторіи, идею законнаго, мирнаго, органическаго развитія, идею прогресса и политическій либерализмъ, которому положилъ прочное основаніе переворотъ 1789 года. Этотъ обогащенный, облагороженный новыми идеями XIX вѣка гуманизмъ—продуктъ европейской общечеловѣческой цивилизаціи,—вотъ что пытались провести въ наше

общество русскіе гуманисты, такъ называемые западники сороковыхъ годовъ! Не замѣну національнаго западнымъ ставили они себѣ цѣлью, а воспитаніе Русскаго общества на европейской универсальной культурѣ, чтобы поднять національное развитіе на степень общечеловѣческаго, дать ему міровое значеніе.

Гуманизмъ XVI в. былъ отрицаніемъ исторіи; гуманисты-филологи ренесанса не понимали предшествовавшаго имъ періода; они имѣли цѣлью возродить, воскресить давно минувшую культуру: ихъ идеалы были позади. Гуманизмъ XIX в. имѣлъ великое преимущество передъ старымъ гуманизмомъ: онъ понималъ не только идею прогресса, но и идею постепеннаго, совершающагося по извѣстнымъ законамъ развитія. Поэтому требованіе реформы, идеалы жизни, которые онъ выставлялъ, были не произвольны; они находились въ связи съ предшествующимъ развитіемъ, вытекали изъ него, имѣли свои корни въ прошедшемъ. Вслѣдствіе этого гуманизмъ былъ обязанъ обращать особенное вниманіе на изученіе прошедшаго. Какъ гуманизмъ XVI в. подѣйствовалъ плодотворно на науки филологическія,—ибо безъ научнаго пониманія древнихъ языковъ нельзя было проникнуть въ античный міръ,—такъ гуманизмъ XIX в. благопріятствовалъ успѣхамъ наукъ историческихъ. Историческое направленіе, генетическое объясненіе явленій, сдѣлалось господствующимъ во всѣхъ наукахъ. Сама же исторія была выдвинута на степень общественной науки, руководительницы въ современныхъ вопросахъ. Это высокое призваніе ея обусловливалось тѣмъ, что ей указанъ былъ строго-научный путь. Въ основаніе ея явленій была положена идея закономѣрнаго развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не было забыто гуманное сочувствіе къ человѣку, какъ къ отдѣльному лицу, такъ и къ массѣ. Вотъ какъ выразился объ этомъ С. М. Соловьевъ въ теплыхъ словахъ, посвященныхъ имъ памяти главнаго и самаго блестящаго представителя русскаго гуманизма въ то время. Т. Н. Грановскаго:

„Грановскій началъ свою профессорскую дѣятельность, когда умы молодаго поколѣнія были сильно возбуждены великимъ стремленіемъ, господствовавшимъ въ исторической наукѣ, стремленіемъ уяснить законы, которымъ подчинены судьбы человѣчества. Не смотря на непререкаемую важность, благотворность этого стремленія, и здѣсь, какъ во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ стремленіи человѣческомъ, можно было дойти до вредной односторонности, которая дѣйствительно и обозначилась въ историческихъ сочиненіяхъ, важныхъ по своему достоинству и вліянію: имѣя въ виду общіе законы развитія человѣчества, разсматривая историческихъ дѣятелей, цѣлыя поколѣнія и народы только какъ орудія для достиженія извѣстныхъ цѣлей,—пріобрѣтали жесткость взгляда, теряли сочувствіе къ поколѣніямъ и народамъ, къ ихъ радостямъ и торжествамъ, къ ихъ страданіямъ и паденіямъ; мало того, пріобрѣтали равнодушіе, неразборчивость при оцѣнкѣ средствъ, которыми достигались извѣстныя цѣли: что нужды, если употреблялись средства

безнравственныя, лишь бы это было во имя благодѣтельныхъ для человѣчества идей! „Идеи не суть индѣйскія божества, которыхъ возятъ въ торжественныхъ процессіяхъ и которыя давятъ поклонниковъ своихъ, суевѣрно бросающихся подъ ихъ колесницы“, вотъ слова, раздавшіяся въ аудиторіяхъ нашего университета съ появленіемъ въ нихъ Грановскаго“.

Общественное значеніе русскаго гуманизма представляется такимъ образомъ съ двоякой стороны: ставя современному обществу высокіе общечеловѣческіе идеалы, побуждая его во имя идеи прогресса идти впередъ по пути общечеловѣческой культуры, вселяя ему сочувствіе къ гуманнымъ началамъ,—онъ въ то же время содѣйствовалъ разумѣнію прошедшаго научной обработкой исторіи.

Къ этому направленію, къ *западникамъ*, къ русскимъ гуманистамъ, примкнулъ и Соловьевъ. Его привлекалъ къ нимъ прежде всего его научный интересъ, а затѣмъ сознаніе, что научное ихъ направленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе національное. Научно-европейское образованіе поставило его высоко надъ тѣми робкими умами, которые изъ страха перестать быть русскими боялись сдѣлаться европейцами. То, что такимъ людямъ *казалось чуждымъ*, ему не было чуждо, потому что удовлетворяло глубокимъ потребностямъ его чисто русской натуры. „Здѣсь дѣло не въ подражаніи, восклицалъ онъ,—дѣло въ томъ, что волей-неволей мы вошли въ семью европейскихъ народовъ, живемъ общею съ ними жизнью“. Сознаніе этой внутренней связи русскаго съ общечеловѣческимъ у него выразилось словами: „Мы европейцы и ничто европейское не можетъ быть намъ чуждо“ [1]). Безсмертная заслуга Соловьева заключается въ томъ, что онъ внесъ это гуманное, культурное начало въ Русскую исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ разработку ея на строго-научную почву. Эти два начала, проводимыя имъ въ Русской исторіи, тѣсно связаны и обусловливаютъ собой какъ общій взглядъ его на его задачу, пониманіе общаго хода Русской исторіи, такъ и отношеніе его къ отдѣльнымъ вопросамъ. Онъ самъ указалъ на эту связь, назвавъ свое направленіе *историческимъ* и опредѣливъ сущность его тѣмъ, что оно признаетъ начало историческое, считаетъ исторію тождественною съ движеніемъ, съ развитіемъ, тогда какъ противники этого направленія не хотятъ видѣть въ исторіи прогресса или не сочувствуютъ ему. Въ этомъ выражается общій принципъ, общій взглядъ на исторію. Что же касается до отношенія къ отдѣльнымъ фактамъ, то историческое направленіе характеризуется тѣмъ, что оно слѣдитъ за *исторіей явленія*, изъ воздушныхъ пространствъ, гдѣ держатся приверженцы анти-историческаго направленія, сходитъ на твердую почву дѣйствительности, отвергаетъ всякій мистицизмъ въ объясненіи и оцѣнкѣ явленій.

---

[1]) Ист. письма, № III, „Русскій Вѣстникъ“ 1859 г., мартъ.

Не смотря однако на взаимную связь научной и культурной стороны въ дѣятельности С. М. Соловьева по Русской исторіи, мы принуждены разсмотрѣть здѣсь каждую изъ этихъ сторонъ по возможности отдѣльно, и начнемъ съ первой.

Принципъ историческаго отношенія къ явленіямъ, задача выяснить „исторію явленія" заключаютъ въ себѣ обязанность дать отчетъ о причинахъ, породившихъ его и обусловливавшихъ характеръ его развитія. Между этими причинами нужно прежде всего взять во вниманіе такъ-называемые физическіе факторы. О важности этихъ факторовъ еще недавно возвѣщалось съ большимъ шумомъ и большими притязаніями; имѣлось въ виду выдвинуть ихъ па первый планъ и произвести какой-то переворотъ въ исторической наукѣ. Приверженцы „новаго средства" были недостаточно знакомы съ исторіей науки. Не говоря уже о прежнихъ попыткахъ вникнуть въ связь между природой и судьбой народовъ, этотъ вопросъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка былъ поставленъ на научную почву знаменитымъ Риттеромъ. Дѣло не ограничивалось случайными, отрывочными наблюденіями; изъ нихъ были выведены общіе законы; сложилось убѣжденіе, что исторія народовъ представляетъ видоизмѣненія одного общаго процесса. „Вездѣ, говоритъ Риттеръ, я нашелъ тѣ же самые законы, тѣ же побужденія къ переселенію, къ осѣдлости, къ земледѣлію или къ мореплаванію". Идеи Риттера о взаимодѣйствіи между природой и человѣкомъ нашли себѣ рано сочувственный отголосокъ среди русскихъ ученыхъ. Онѣ произвели глубокое впечатлѣніе на Грановскаго. Въ „Исторіи Россіи" онѣ нашли себѣ блестящееее примѣненіе. Сколько свѣжести, реальности, смысла, этимъ путемъ внесено въ изложеніе Русской исторіи. Какой напр. мастерской „взглядъ на карту Европы" брошенъ въ началѣ XIII т. для объясненія общаго характера Русской исторіи, хода европейской цивилизаціи съ запада на Востокъ „по указанію природы". Подобными реальными, наглядными чертами индивидуализируется исторія Русскаго народа и разсѣеваются туманы, напущенные мистическимъ отношеніемъ къ народному и племенному духу. Къ указаніямъ природы опять прибѣгаетъ историкъ, когда ему нужно объяснить различіе между Кіевскимъ періодомъ и слѣдующимъ за нимъ, „когда историческая жизнь отливаетъ на востокъ въ области верхней Волги". Какъ мѣтко между прочимъ характеризуется направленіе исторической жизни въ этомъ періодѣ, ослабленіе связи съ Европой, съ западомъ—простымъ вопросомъ: „куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области,—туда, слѣдовательно на востокъ, обращено все". Какъ глубоко проведено различіе между западной каменной и восточной деревянной Европой! Сколько существенныхъ чертъ въ исторіи и цивилизаціи Западной Европы объяснено указаніемъ на существованіе тамъ камня, т. е. по старинному горъ — политическое раздробленіе, племенная особность, аристократическій характеръ общественнаго быта, рыцарство и городъ

съ его свободой, развитіе монументальнаго искусства, общій характеръ цивилизаціи: „все прочно, все опредѣленно, благодаря камню". Съ другой стороны, какъ пластично выступаетъ во всей исторіи Россіи противоположное вліяніе двухъ господствующихъ въ восточной равнинѣ формъ, л ѣ с а и с т е п и, и вытекающая отсюда борьба народонаселенія двухъ половинъ Россіи, лѣсной и степной.

Не только жизненную правду и реальность вносятъ въ исторію Россіи эти указанія природы; они имѣютъ еще болѣе важное общее значеніе. Они доказываютъ, что эта „Исторія Россіи" строилась на прочномъ научномъ фундаментѣ. Законы природы вездѣ одни и тѣ же: если указывается на ихъ вліяніе, это значитъ, что историкъ видитъ въ исторіи общій, единый процессъ.

Научный взглядъ на исторію еще болѣе обнаруживается у Соловьева въ томъ значеніи, которое онъ придаетъ „сравнительно-историческому методу". Рѣдко кто обладалъ въ такой степени необходимымъ для этого условіемъ—обширною начитанностью и знакомствомъ съ исторіей другихъ народовъ. Отсюда аналогіи, къ которымъ онъ такъ любилъ прибѣгать для объясненія явленій Русской исторіи. Сколько различныхъ аналогій приводятся имъ, наприм. для того, чтобы установить правильный взглядъ на Петровскій переворотъ. Когда онъ хочетъ освѣтить „революціонный" характеръ такъ-называемаго преобразованія, онъ обращается за уясненіемъ къ сравненію съ Французской революціей. „Какъ здѣсь, такъ и тамъ, болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ: необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованіямъ: разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе; во Франціи слабое правительство не устояло, и произошли извѣстныя печальныя явленія. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалой силой, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства" [1]).

Когда нашъ историкъ хочетъ опровергнуть взгляды тѣхъ, кто „вооружается противъ преобразованій, идущихъ сверху", — онъ напоминаетъ обращеніе европейскихъ народовъ въ христіанство; и тутъ „дѣло обыкновенно шло сверху; принимали христіанство князь и дружина его, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, причемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія масса въ продолженіе вѣковъ оставалась двувѣрной, не могла забыть старыхъ боговъ" и т. д. Когда онъ хочетъ показать, что п р е о б р а з о в а н і е было тѣмъ не

[1]) XIV т., 163 стр.

менѣе дѣломъ народнымъ, онъ чрезвычайно удачно обращаетъ вниманіе читателя на Генриха VIII, введшаго реформацію въ Англію: „Извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ онъ былъ побороть; значитъ ли это, что реформа, которой такъ гордятся англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII?"—Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ средне-вѣковой и новой исторіей Англіи, съ духомъ Англійскаго народа, конечно убѣжденъ въ томъ, что принятіе протестантизма въ Англіи было истинно-народнымъ дѣломъ.

И не только общій характеръ, духъ историческихъ явленій выясняются посредствомъ аналогій; сравненія часто помогаютъ опредѣлить конкретныя формы, размѣры явленій. Какъ истинный ученый, С. М. Соловьевъ не смущается громкими словами, общими терминами; когда онъ имѣетъ дѣло съ „городами" у славянъ, раскинувшихся по рѣкамъ и озерамъ древней Россіи, онъ не увлекается воображеніемъ; ему не виднѣются крѣпкіе города Западной Европы съ ихъ сплоченной самостоятельной буржуазіей; не рисуются города Востока съ ихъ роскошными базарами: изъ воздушныхъ пространствъ онъ сразу низводитъ читателя на твердую почву; онъ представляетъ ему какъ-бы фотографическій снимокъ съ того же самаго явленія, снятый цѣлое тысячелѣтіе спустя, но съ народовъ, находившихся на той-же ступени быта, на которой стояли древніе славяне: „въ XVII вѣкѣ, разсказываетъ онъ, русскіе военные отряды, распространяя власть русскаго государя по Сѣверной Азіи, находили туземцевъ, жившихъ отдѣльными родами каждый подъ властью своего родоначальника или князьца; но обыкновенно жилища семей, составлявшихъ родъ, были укрѣплены, обнесены острожками, которые русскимъ людямъ надобно было брать иногда приступомъ. Въ острожкѣ бывало по 14 юртъ, а юрты большія, въ одной юртѣ жило семей по десяти" [1]).

Значеніе сравнительно историческаго метода не ограничивается тѣмъ, что наводитъ историка на аналогіи. Аналогіи, указывающія на общія черты явленій, могутъ очень содѣйствовать ихъ выясненію, но только въ изслѣдованіяхъ осмотрительнаго, трезваго ученаго, не увлекающагося быстрыми обобщеніями. Научное значеніе сравнительный методъ получаетъ тогда, когда онъ основанъ на сознаніи, что историческія явленія совершаются на общей почвѣ, управляются общими законами; что историческое развитіе народовъ при одинаковыхъ условіяхъ совершается въ тѣхъ же формахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователь при сравненіи отмѣчаетъ различіе между аналогическими явленіями, индивидуальныя черты ихъ, видоизмѣненія и оттѣнки. Въ этомъ именно строго научномъ смыслѣ примѣняется сравнительный методъ въ трудахъ Соловьева. Благодаря этому методу значеніе родоваго быта въ Русской исторіи сдѣлалось неотъемлемымъ пріобрѣтеніемъ

[1]) XIII т., 4 стр.

русской науки. Благодаря ему-же сдѣлалось немыслимымъ для образованнаго человѣка утверждать, будто община есть какое-то прирожденное славянамъ учрежденіе, имъ однимъ принадлежащее. Но устанавливая общія родственнымъ европейскимъ народамъ историческія черты, С. М. Соловьевъ никогда не терялъ изъ вида особенностей, различій. Вотъ какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ историческихъ писемъ объ общинномъ бытѣ: „Что касается вопроса, составляетъ-ли община явленіе Германской или Славянской народности, то объ этомъ много говорить не нужно: всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ сравнительнымъ изученіемъ исторіи общественныхъ формъ и явленій у разныхъ народовъ, знаетъ хорошо, что общинный бытъ есть столько-же національное явленіе у славянъ, какъ у германцевъ. Вопросъ можетъ идти только объ особенностяхъ и степени развитія".

Въ другомъ письмѣ онъ слѣдующимъ образомъ говоритъ объ исходномъ пунктѣ исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ, о завоеваніи: „Пора бросить старые толки о различіи нашихъ и западныхъ общественныхъ отношеній на основаніи завоеванія и незавоеванія, на томъ основаніи будто бы, что на Западѣ было завоеваніе, а у насъ его не было. И у насъ было завоеваніе: этого факта нельзя вычеркнуть изъ лѣтописей. Дѣло въ томъ, какъ происходило завоеваніе, въ какой странѣ, при какихъ природныхъ и общественныхъ условіяхъ: отъ этихъ условій и происходитъ все различіе въ общественныхъ отношеніяхъ на Западѣ и у насъ".

Научное отношеніе къ исторіи далѣе проявляется у Соловьева въ его органическомъ пониманіи историческихъ явленій. Исторія народовъ есть органическій процессъ. Какъ въ организмѣ всѣ части и ткани находятся во внутренней связи между собой, объусловливаютъ другъ друга, такъ и въ народной жизни различныя формы и явленія связаны между собой. Какъ жизнь организма раздѣляется на возрасты, различные между собой, но постепенно слѣдующіе одинъ за другимъ съ извѣстною законностью, вытекающіе одинъ изъ другаго,—такъ историкъ можетъ отмѣчать извѣстныя эпохи въ исторіи народа, слѣдующія одна за другой, не только въ хронологической, но и во внутренней связи представляющія дальнѣйшее развитіе одного общаго начала. Этотъ органическій взглядъ на исторію превосходно развитъ нашимъ историкомъ въ началѣ его „Историческихъ писемъ":

„Рядъ измѣненій, замѣчаемыхъ при развитіи живаго организма, состоитъ въ движеніи отъ простоты и однообразія устройства къ его разнообразію и сложности. Первый шагъ въ развитіи обозначается появленіемъ различія между частями; потомъ каждая изъ различившихся частей начинаетъ въ свою очередь обнаруживать различіе частей. Процессъ этотъ безпрестанно повторяется, и черезъ безконечное умноженіе такого выдѣленія частей образуется наконецъ сложная сѣть органовъ, составляющая живой организмъ въ его полномъ развитіи. Это явленіе, которое мы называемъ прогрессомъ—общее всѣмъ

организмамъ, какъ природнымъ, такъ и общественнымъ. Въ обществѣ, на низкой ступени развитія находящемся, дикарь самъ производитъ все для себя нужное; но потомъ постепенно является раздѣленіе занятій, образуются отдѣльные органы общественные. Въ обществахъ мало развитыхъ первосвященникъ и государь слиты въ одномъ лицѣ, религіозные и гражданскіе законы смѣшаны: въ силу прогресса все это мало по малу различается, раздѣляется. Но прогрессъ не состоитъ въ одномъ безконечномъ членораздѣленіи: для образованія организма необходимо, чтобы части, органы, выдѣляясь, обозначаясь, находились въ тѣсной связи между собою“ [1]).

Перенося въ исторію понятіе, заимствованное изъ жизни природы, Соловьевъ никогда не забывалъ, что имѣетъ дѣло съ явленіями другаго, высшаго разряда: „Легко сравнивать организмъ природный съ организмомъ общественнымъ: дѣйствительно, сходство поразительное— законы одни и тѣ же; но не должно забывать, что члены общественнаго организма суть существа разумно-свободныя или цѣлыя соединенія такихъ существъ; что каждое изъ нихъ сначала вращается въ тѣсной сферѣ, гдѣ видитъ преимущественно только себя, что сфера эта расширяется чрезвычайно медленно; члены общественнаго организма медленно приходятъ къ сознанію о необходимости тѣсной связи другъ съ другомъ для поддержанія полной жизни каждаго изъ нихъ и наоборотъ, о необходимости полнѣйшаго развитія каждаго изъ органовъ для поддержанія тѣсной внутренней связи между ними, для совершеннаго развитія организма“.

Потребность органическаго пониманія исторіи заставляла часто Соловьева обращаться къ сравненіямъ различныхъ эпохъ въ исторіи съ соотвѣтствующими возрастами человѣческой жизни. Этой любимой привычкѣ историка обязаны мы нѣкоторыми изъ самыхъ характерныхъ страницъ, нѣкоторыми изъ самыхъ вѣрныхъ и живыхъ характеристикъ. Напомнимъ напр. читателямъ мѣсто, въ которомъ Русское общество въ началѣ XVIII вѣка характеризуется вѣрно-подмѣченными чертами дѣтскаго возраста: „Даровитый, воспріимчивый ребенокъ начинаетъ учиться, узнаетъ много новаго, чего другіе не знаютъ: первое необходимое слѣдствіе этого въ ребенкѣ — гордость, чувство своего превосходства надъ другими, желаніе высказывать это превосходство надъ другими, хвастаться, щеголять новопріобрѣтеннымъ знаніемъ; новое, чужое, что имъ пріобрѣтено, имѣетъ для него необыкновенную прелесть; старое, свое, всѣмъ извѣстное, всѣмъ доступное — не имѣетъ никакой; ребенокъ необходимо педантъ, ибо не имѣетъ силы овладѣть новымъ предметомъ и самимъ собой при пользованіи этимъ предметомъ, потому носится съ нимъ, всѣмъ показываетъ и хвастаетъ: отсюда страсть употреблять не кстати научныя положенія и слова, страсть употреблять

[1]) Ист. письма, I, „Русскій Вѣстникъ“ 1858, мартъ.

иностранныя слова вмѣсто своихъ, говорить безъ нужды на иностранномъ языкѣ, подражать иностраннымъ обычаямъ, даже и такимъ, которые ничѣмъ не лучше своихъ прежнихъ: все это мы видимъ у русскихъ людей XVIII в. и все это было необходимымъ, естественнымъ слѣдствіемъ состоянія Русскаго общества въ до-Петровское время" [1].

Внесеніе этого органическаго взгляда въ Русскую исторію составляетъ очень важную сторону научныхъ заслугъ С. М. Соловьева. Благодаря этому взгляду, прежнее морализующее направленіе въ исторіи (знаменитымъ представителемъ котораго былъ Карамзинъ) уступило мѣсто научному. Какъ единый, разумный, величественный процессъ, развернулась исторія Русскаго народа въ трудѣ Соловьева, отъ первобытнаго состоянія до новыхъ временъ. Ясно, отчетливо слѣдовали другъ за другомъ въ своей жизненной правдѣ отдѣльныя эпохи, каждая понятная въ самой себѣ, и еще болѣе осмысленная тѣмъ, что представлялось естественнымъ послѣдствіемъ прежнихъ, зародышемъ грядущихъ вѣковъ. Исторія Россіи не нуждалась болѣе въ схематическомъ распредѣленіи по логическимъ категоріямъ, вытекавшимъ изъ понятія власти—„Россія основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась самодержавіемъ". Вмѣсто этихъ трехъ искусственныхъ періодовъ являются эпохи, опредѣленныя внутреннимъ теченіемъ исторической жизни; оттого и характеристика каждой изъ нихъ становится несравненно вѣрнѣе, и раскрывается смыслъ исторической жизни тамъ, гдѣ прежніе историки, смотрѣвшіе съ высшей точки зрѣнія на предметъ, его не находили. Интересно въ этомъ отношеніи сравнить характеристику времени Ярослава I и слѣдующей затѣмъ эпохи у Карамзина и у Соловьева. Для Карамзина правленіе Ярослава I было первымъ счастливымъ періодомъ въ исторіи Россіи: тогда Россія рожденная, возвышенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ. За этимъ наступилъ несчастный періодъ разновластія. Подвергая критическому разбору этотъ взглядъ своего предшественника, Соловьевъ указываетъ [2], что Карамзинъ не признавалъ связи между Россіей до Ярослава и послѣ него, и объясняетъ причины такого отношенія къ дѣлу: отвергнувъ мысль, что Россія до половины XI в. была государствомъ рождающимся, „признавъ это государство въ самомъ началѣ могущественнымъ и славнымъ, Карамзинъ по тому самому не призналъ въ послѣдующемъ періодѣ постепеннаго хотя труднаго и медленнаго возрастанія и окрѣпленія государства". Совершенно иначе характеризуетъ этотъ періодъ основатель историческаго направленія въ Русской исторіи: онъ видитъ въ немъ продолженіе движенія на великой восточной равнинѣ Европы, продолженіе героическаго, богатырскаго періода Русской исторіи. „Если, говоритъ онъ, мы взгля-

---

[1]) Шлецеръ и анти-истор. направленіе.

[2]) Карамзинъ и его литерат. дѣятельность. Ст. III, „Отеч. Зап." 1854 г. т. 94.

немъ на карту Россіи и припомнимъ, что должно было представлять это громадное пространство въ XI и XII вв., то понятно намъ станетъ значеніе этой постоянной передвижки, бѣготни, подъ условіемъ которыхъ поддерживались начатки исторической жизни во всѣхъ частяхъ, поддерживалось всюду сознаніе о единствѣ Русской земли. До призванія князей существовали отдѣльныя племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности; съ призваніемъ князей, съ началомъ историческаго движенія, племена приводятся въ связь, преимущественно внѣшнюю, начинается переработка ихъ быта; но только благодаря явленіямъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII в., является Русскій народъ" [1]).

Подобнымъ образомъ устанавливается правильная органическая связь между кіевской Русью и Русью Сѣверо-Восточной. У Карамзина послѣдняя обязана своимъ возвышеніемъ единственно личнымъ достоинствамъ Андрея Боголюбскаго и нерасположенію его къ Юго-Западной Руси, которая казалась ему обителью скорби и предметомъ гнѣва небеснаго [2]). По мнѣнію Карамзина сила Андрея Боголюбскаго заключалась единственно въ его добродѣтеляхъ, которыя давали ему превосходство надъ прочими князьями; разумъ превосходный заставилъ его стремиться къ искорененію вредной удѣльной системы. Карамзинъ правда намекнулъ объ особенностяхъ характера сѣвернаго народонаселенія; но, говоря потомъ о значеніи княженія Андреева, выразилъ сожалѣніе, что Андрей по своему личному расположенію покинулъ югъ для сѣвера, и такимъ образомъ Карамзинъ ясно высказалъ мысль, что и югъ былъ вполнѣ способенъ къ произведенію того порядка вещей, который утвердился на сѣверѣ. Совершенно иное впечатлѣніе выноситъ читатель изъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Онъ какъ бы самъ присутствуетъ при зарожденіи новаго порядка вещей: ему отчетливо обрисовываются причины, вызвавшія этотъ новый порядокъ, наглядно представляются условія, опредѣлившія ходъ его развитія. Историкъ реальными, правдивыми чертами характеризуетъ бытъ Кіевской Руси и заключаетъ это описаніе словами, обнаруживающими глубокое пониманіе народнаго развитія: „Все здѣсь, на восточной равнинѣ, отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядится и начнутся опредѣленія" [3]).

Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ, когда же и гдѣ именно, при какихъ условіяхъ начались эти опредѣленія? и показываетъ, какимъ образомъ несчастное положеніе юго-западной окраины заставляло часть ея жи-

---

[1]) XIII т., стр. 12—13.

[2]) Карамзинъ и его литер. дѣят. Ст. III и IV.

[3]) XIII т., стр. 19.

телей выселяться въ страны болѣе спокойныя. Эти страны были именно отдаленныя, сѣверо-восточныя волости Русскія; суровая климатомъ, бѣдная населеніемъ область верхней Волги, гдѣ князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельниковъ.

Этими условіями объясняется совершенно иной характеръ отношеній между населеніемъ и княземъ, иной характеръ княжеской власти, начало новой эпохи въ Русской исторіи. „Въ западныхъ областяхъ славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокѣ, наоборотъ, славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ. Разумѣется, многое зависѣло здѣсь и отъ того, воспользуются ли князья своимъ положеніемъ. Явился именно такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ своему народонаселенію, именно Андрей Боголюбскій. Онъ понимаетъ очень хорошо значеніе слова: мое, собственность, а не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ общее родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда; онъ не покидаетъ этой земли, не переѣзжаетъ въ Кіевъ, когда тотъ достался ему и по родовымъ правамъ, и по правамъ побѣды. Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости, становится священнымъ преданіемъ для всѣхъ сѣверныхъ князей и отсюда начинается новый порядокъ вещей“ [1]).

Такимъ же органическимъ взглядомъ проникнута у Соловьева дальнѣйшая исторія Сѣверо-Восточной Руси; такъ же естественно связана у него исторія Владимірскаго княженія съ Московскимъ. Значеніе этого взгляда особенно обнаруживается при сравненіи съ предшествующимъ. Отрицая у преемниковъ Андрея и Всеволода III стремленіе къ единовластію, Карамзинъ порвалъ „преданіе, постоянно сохранявшееся у сѣверныхъ князей, порвалъ необходимую связь явленій, вслѣдствіе чего періодъ отъ смерти Всеволода III до самаго Іоанна Калиты лишенъ у него всякаго значенія“. Усматривая въ этомъ періодѣ только безсмысленныя драки княжескія, Карамзинъ былъ принужденъ преувеличить значеніе Іоанна III, начать съ него крутой переворотъ въ исторіи Россіи, который не находилъ себѣ объясненія въ предшествовавшемъ. „Отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной“, говоритъ Карамзинъ. Совершенно иначе выяснена исторія Московскаго великаго княжества трудами Соловьева. Соглашаясь со своими предшественниками (Щербатовъ, Карамзинъ) отно-

---

[1]) XIII т., стр. 21.

сительно высокаго значенія личности Іоанна III, Соловьевъ показываетъ намъ такъ ясно постепенный ростъ Москвы, что имѣетъ право сравнить Московское государство передъ княжествомъ Іоанна съ памятникомъ, который былъ приготовленъ, но еще не былъ открытъ: „Іоанну было суждено снять полотно, покрывавшее памятникъ“ [1]).

Руководясь своимъ органическимъ взглядомъ на событія, своей привычкой вникать въ исторію явленія, основатель историческаго направленія свелъ къ его истиннымъ размѣрамъ вліяніе монгольскаго ига, которое было слишкомъ преувеличено его предшественниками. Указавъ, что явленія, въ которыхъ хотѣли видѣть признаки монгольскаго вліянія, встрѣчаются уже въ первые годы этого ига, онъ далъ намъ право усомниться, дѣйствительно ли они слѣдствіе татарскаго ига. Историческое направленіе вмѣстѣ съ тѣмъ освободило науку и отъ самыхъ побужденій, заставившихъ прежде преувеличивать вліяніе монгольское. Еще Карамзинъ не зналъ, чѣмъ именно объяснить конецъ княжескихъ усобицъ и установленіе единовластія и высказалъ мнѣніе, что Россія безъ монголовъ вѣроятно погибла бы отъ усобицъ.

Мы не можемъ дозволить себѣ въ предлагаемомъ очеркѣ слѣдить шагъ за шагомъ, какъ проводится органическій взглядъ историческаго направленія на явленіяхъ древне-русской исторіи и потому прямо обратимся къ той эпохѣ, въ объясненіи которой проявляются особенно ярко достоинства и значеніе научнаго метода С. М. Соловьева, къ переходу отъ древней Россіи къ новой.

Въ простыхъ, но опредѣленныхъ выраженіяхъ высказана имъ сущность его взгляда: „Послѣдователи историческаго направленія тѣсно связываютъ обѣ половины Русской исторіи—до-Петровскую и послѣ-Петровскую; въ явленіяхъ послѣдней видятъ результаты явленій первой“. Не смотря на наружный контрастъ между новой Россіей и древней, эти двѣ половины Русской исторіи органически связаны между собою, онѣ связаны историческими законами. Петровское преобразованіе можетъ быть признано результатомъ древней Россіи въ двоякомъ смыслѣ. Необходимость преобразованія, вытекавшая изъ всей предшествовавшей исторіи, представляетъ двѣ стороны: одну изъ нихъ можно назвать практической; она заключалась въ томъ, что обращеніе къ Европѣ, къ европейскимъ идеямъ и формамъ, вызывалось условіями Петровской эпохи, было лучшимъ практическимъ средствомъ, чтобы выйти изъ заблужденій, вызванныхъ несостоятельностью древне-русскаго строя: древняя Русь не могла собственными средствами удовлетворить своему исконному стремленію.

Другая сторона можетъ быть названа исторической необходимостью; она заключалась въ томъ, что весь предшествующій ходъ Русской исторіи—указанія природы, направленіе исторіи, характеръ народнаго духа, самой религіи — подготовили соединеніе съ Европой; общіе за-

[1]) Карамзинъ и его лит. дѣят. Ст. V.

коны развитія цивилизаціи требовали его. „Средство, употребленное новой Русью для удовлетворенія своего исконнаго стремленія, было естественно, необходимо, законно и было не ново, потому что употреблялось уже и древнею Русью".

Этотъ внутренній смыслъ Петровскаго преобразованія мастерски объясненъ историкомъ на страницѣ, которая по своей простотѣ и глубинѣ должна глубоко врѣзаться въ памяти всякаго, кто желаетъ усвоить себѣ смыслъ этого великаго явленія въ Русской исторіи. „Итакъ, если человѣкъ для полноты своего человѣческаго развитія долженъ жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, если народъ для полноты развитія долженъ жить въ обществѣ другихъ народовъ, то вопросъ рѣшенъ о значеніи Петровской эпохи, эпохи преобразованія; вопросъ рѣшенъ объ отношеніяхъ древней Россіи къ новой. Древнее Русское общество, не смотря на величіе подвиговъ, совершенныхъ имъ въ дѣлѣ внѣшняго государственнаго созиданія, въ преодолѣніи препятствій, этому созиданію противопоставленныхъ, не могло двигаться далѣе по пути нравственныхъ и матеріальныхъ улучшеній, не вступивъ въ семью европейско-христіанскихъ народовъ, да и по характеру своему не могло не вступить въ эту семью при первой возможности. Слѣдствія особной жизни такъ явны въ нашей древней исторіи, что объ нихъ не нужно много распространяться; безсознательное, суевѣрное подчиненіе обычаю, обряду, формѣ, буквѣ, ослабленіе вѣры въ духъ, который живитъ, слишкомъ явны. Древняя Россія именно пребывала въ формахъ быта земледѣльческаго, въ ней господствовало село, деревня; городъ не имѣлъ того значенія, которое мы теперь съ нимъ соединяемъ... Чтобъ выйти изъ состоянія застоя, оцѣпенѣнія нравственнаго, чтобъ понять себя и свое, для человѣка и для народа одно средство — сообщество съ другими людьми, другими народами; и вотъ Россія въ началѣ XVIII в. вступаетъ въ это сообщество" [1]).

Не смотря на все свое сочувствіе къ дѣлу преобразованія, историкъ не упускаетъ изъ вида и слабыхъ сторонъ его. Онъ указываетъ на односторонность, съ которой выступало новое начало, на неподготовленность общества къ реформѣ, которой оно само же требовало и безъ которой жизнь его пришла бы въ застой: „неприготовленность какъ въ руководимыхъ, такъ и въ руководителяхъ, начиная съ главнаго, самого Петра, въ которомъ, при всемъ уваженіи къ его генію, мы должны видѣть человѣческое существо, ограниченное по своимъ средствамъ".

Но указывая на неблагопріятныя для организма послѣдствія крутаго переворота, историкъ объясняетъ съ помощью исторіи почему этотъ переворотъ именно былъ такимъ крутымъ. Причина этого явленія заключается въ неразвитости того общества, которое требовало

---

[1]) Шлецеръ и анти-ист. направленіе, 464.

реформы. Доказавши примѣромъ Посошкова, человѣка изъ народа, „непріязненнаго къ иностранцамъ“ и потому вполнѣ безпристрастнаго свидѣтеля, что современники Петра не были въ состояніи представить себѣ улучшеніе „безъ разрушенія старой храмины“, историкъ говоритъ: „Эта страсть къ кореннымъ переворотамъ, къ полному отрицанію стараго и созданію новаго, есть плодъ неразвитости сознанія. Одна крайность—безсознательное подчиненіе старому, ведетъ необходимо къ другой крайности—къ безсознательному стремленію къ новому. Вообще всѣ крутые коренные перевороты, въ какомъ бы смыслѣ ни происходили и откуда бы ни шли, сверху или снизу, суть слѣдствіе неразвитости сознанія, дѣтства народнаго, и способны къ нимъ бываютъ обыкновенно тѣ народы, которые, при видимой возмужалости, сохраняютъ въ своемъ характерѣ много дѣтскаго“.

Такимъ образомъ историческое направленіе объясняетъ не только необходимость переворота, съ котораго начинается новая Россія, но и самый характеръ его; новую же Россію приводитъ въ близкую связь съ древней, видитъ въ ней прямой результатъ послѣдней. Историческое направленіе отвергаетъ два крайніе взгляда на отношеніе Петровской Россіи къ Московской, какъ тотъ, который заявляетъ, что Петромъ Великимъ Россія призвана отъ небытія къ бытію, забывая о Московской Руси; такъ и противоположный, который приписываетъ все московскимъ князьямъ, „изъ ничего воздвигшихъ державу сильную“ и видитъ въ Петрѣ простаго преобразователя государственнаго механизма [1]). Основатель историческаго направленія поставилъ своей наукѣ высокую задачу: онъ видѣлъ въ исторіи примирительницу вѣковъ. Онъ полагалъ, что современная наука достаточно созрѣла для этой цѣли. „Каждому дню, сказалъ онъ, его работа, каждому вѣку его трудъ; нашему времени завѣщано собрать во-едино всѣ части Русской исторіи, найти смыслъ въ древнѣйшей Кіевской и Владимірской исторіи и примирить всѣ эпохи“ [2]). Этотъ великій завѣтъ нашего времени, сознанный Соловьевымъ, имъ же и осуществленъ. Благодаря его труду, Русская исторія сдѣлалась дѣйствительно органомъ самопознанія Русскаго народа: собиранію Русской земли въ прошедшіе вѣка стало соотвѣтствовать собраніе частей Русской исторіи въ сознаніи народномъ, какъ оно отразилось въ произведеніи національнаго историка, собирателя Русской исторіи.

Историческое направленіе выразилось у Соловьева не въ одномъ органическомъ пониманіи Русской исторіи, не въ томъ только, что жизнь Русскаго народа представляется имъ какъ единый, изъ себя развивающійся своей внутренней жизненной силой организмъ; жизнь этого народа тѣсно связана съ жизнью другихъ европейскихъ народовъ. Судьба Русскаго народа только часть другаго великаго орга-

---

[1]) Шлецеръ и анти-ист. направленіе.

[2]) Рѣчи и пр. въ день Карамз. юбилея.

низма, также единаго и живущаго общею жизнью своихъ частей — Европы, цивилизованнаго человѣчества.

Сознаніе этой связи никогда не покидало С. М. Соловьева въ его историческихъ трудахъ. Чтобъ поддерживать его въ себѣ, онъ посвящалъ столько дорогаго для него времени изученію литературы всеобщей исторіи; сознаніе этой связи побуждало его дѣлать свои наблюденія надъ исторической жизнью народовъ. Такимъ способомъ онъ развилъ въ себѣ ту широту и цѣльность взгляда, которыя довершаютъ научный характеръ его исторіи Россіи. Какую струну народной жизни онъ бы ни затрогивалъ, какую особенность Русской исторіи онъ бы ни рисовалъ, историкъ никогда не теряетъ изъ вида того, что совершается въ остальной Европѣ, и преимущественно въ Славянскомъ мірѣ; такъ напр., существенная сторона Русской исторіи—борьба съ Азіей, со стихійной силой дикихъ кочевыхъ народовъ, приводится имъ въ связь съ однородными явленіями у другихъ европейскихъ народовъ, вдвигается имъ въ всемірную исторію; всѣ событія этой борьбы Европы съ Азіей, осѣдлыхъ народовъ съ кочевыми отъ пораженія „Аттилы при Шалонѣ до покоренія Крыма Екатериной Великой“ охватываются его историческимъ взоромъ, какъ одинъ общій историческій процессъ. Такимъ образомъ исторія Западной Европы сливается съ судьбою восточной ея половины; тяжелая борьба Русскаго народа за существованіе получаетъ всемірное значеніе; историческій подвигъ Русскаго народа возводится къ понятію общечеловѣческаго призванія.

Это сближеніе Русской исторіи съ Европейской занимаетъ конечно тѣмъ болѣе мѣста, чѣмъ ближе подвигается историкъ къ новымъ временамъ. Особенно важное значеніе получаетъ это сближеніе въ исторіи Петровской эпохи. Характеристика этой эпохи была бы неполная и односторонняя безъ оцѣнки европейскаго значенія ея. Такая оцѣнка составляетъ существенную черту въ трудахъ С. М. Соловьева, посвященныхъ Петру Великому. Съ этой точки зрѣнія конечно еще болѣе „возрастаетъ величавая фигура Петра“. Онъ представляется виновникомъ соединенія обѣихъ половинъ Европы къ общей дѣятельности, „на него указывается, какъ на великаго человѣка, послужившаго болѣе другихъ для своего народа и для человѣчества“.

Намъ остается еще для характеристики научнаго метода С. М. Соловьева привести его взглядъ на обязанности историка. Въ этомъ взглядѣ рисуется не только онъ самъ, но и превосходно выясняется научное и нравственное значеніе того направленія, которому онъ положилъ, какъ нужно надѣяться, прочное основаніе. Современный представитель историческаго направленія въ области Русской исторіи признавалъ родоначальникомъ этого направленія „знаменитаго Шлецера“. Что же онъ всего болѣе цѣнилъ въ Шлецерѣ? Въ чемъ заключаются тѣ достоинства Шлецерова труда, на которыя онъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе, потому что „они сохранили

вполнѣ свою поучительность въ настоящее время, и имѣютъ, быть можетъ, теперь гораздо болѣе значенія, чѣмъ когда-либо прежде". Главной заслугой Шлецера признается то, что онъ оцѣнилъ Нестора какъ „лѣтописца начальнаго, первобытнаго общества; ученый критикъ уважалъ Нестора, потому что въ простомъ разсказѣ его не находилъ ничего, что не соотвѣтствовало бы этому первобытному состоянію". Гласно и рѣшительно высказалось мнѣніе, что разсказъ объ извѣстномъ времени въ жизни извѣстнаго общества долженъ соотвѣтствовать этому времени во всѣхъ чертахъ своихъ... Это соотвѣтствіе выставлено главной нравственной обязанностью повѣствователя, и трудъ, отличающійся такимъ соотвѣтствіемъ, былъ названъ честнымъ.

И такъ, то, что въ объективномъ отношеніи называется научностью, въ субъективномъ называется честностью. Историкъ имѣетъ нравственныя обязанности по отношенію тѣхъ людей, того общества, о которомъ онъ повѣствуетъ. Историкъ не долженъ ни умалять, ни украшать прошедшаго; малое онъ долженъ признать малымъ, простое — простымъ. Историкъ не долженъ вносить въ прошедшее идей другаго времени, предъявлять ему требованія, которыхъ оно не знало. „Недоразумѣнія, споры, искаженія фактовъ происходятъ отъ непростительной для уважающаго науку человѣка привычки навязывать настоящія наши воззрѣнія предкамъ" [1]). Историкъ долженъ соблюдать ту соразмѣрность между явленіями и интересами извѣстнаго времени, которую представляетъ дѣйствительность. „Обязанность историка показать причины, почему одно начало дѣйствуетъ на первомъ планѣ, а другія дѣйствуютъ слабо, медленно; историкъ, увлекшись какимъ нибудь сочувствіемъ, не смѣетъ перемѣшивать явленій по произволу, не смѣетъ выставить на первомъ планѣ то, что на немъ не находится" [2]).

Эти обязанности, возлагаемыя па историка, С. М. Соловьевъ самъ, можно сказать, исполнялъ свято, и его собственный трудъ поэтому носитъ на себѣ всѣ черты, которыми онъ обусловливалъ признаніе историческаго труда честнымъ. Честенъ былъ первый лѣтописецъ русскій, честенъ первый историкъ, исполнившій завѣтъ Петра. Призваніе историка совпадало по его убѣжденію съ служеніемъ правдѣ, правдѣ неукрашающей и нельстящей ни лицамъ и народамъ, ни интересамъ и мнѣніямъ. Онъ понималъ науку въ самомъ высокомъ ея смыслѣ: она была тождественна для него съ исполненіемъ нравственнаго долга.

Мы ограничимся этими указаніями на научную сторону въ дѣятельности историка и перейдемъ къ разсмотрѣнію ея культурнаго, общественнаго значенія. Уже громаднымъ трудомъ своимъ, примѣненнымъ къ изученію Русской исторіи, научнымъ методомъ, который

---

[1]) Шлецеръ, 467.

[2]) Ист. письма, III. „Русск. Вѣстн." 1859 г., 20 т., стр. 15.

онъ внесъ въ ея обработку, добросовѣстнымъ исполненіемъ того, что онъ считалъ обязанностью честнаго историка, С. М. Соловьевъ долженъ былъ имѣть благотворное цивилизующее вліяніе на современное Русское общество; но онъ не удовольствовался однимъ этимъ косвеннымъ вліяніемъ. Онъ ставилъ исторической наукѣ высокія требованія, онъ возлагалъ на историка важныя обязанности по отношенію къ современному обществу. Наука, утверждалъ онъ, должна всѣмъ своимъ могуществомъ помогать обществу при разрѣшеніи его задачъ и „прежде всего исторія должна способствовать установленію правильнаго взгляда на настоящее, установляя правильный взглядъ на отношеніе настоящаго къ прошедшему“ [1]).

Этой культурной просвѣтительной обязанности историка С. М. Соловьевъ служилъ съ сознаніемъ и твердостью. Изображая его заслуги въ этомъ отношеніи, мы остановимся на трехъ вопросахъ, на его борьбѣ за начало прогресса и на его взглядахъ на народность и на государство.

Историческое направленіе, т. е. научное отношеніе къ исторіи, видитъ въ исторіи движеніе, развитіе; движеніе въ прошедшемъ включаетъ въ себѣ представленіе о продолженіи его въ настоящемъ и будущемъ. Такимъ образомъ историческое направленіе ведетъ къ признанію прогресса въ современномъ обществѣ и къ требованію дальнѣйшаго успѣха. Связь между историческимъ направленіемъ и стремленіемъ къ прогрессу наглядно обнаруживается еще въ томъ, что направленіе противоположное — анти-историческое, какъ его называлъ Соловьевъ, отрицаетъ прогрессъ, относится къ нему враждебно.

С. М. Соловьевъ вообще не любилъ борьбы, полемики съ ложными тенденціями въ наукѣ и общественной жизни. Полемика нарушала правильное теченіе его научныхъ занятій, которое сдѣлалось для него нравственною потребностью. Только анти-историческое направленіе, оживившееся въ нашей литературѣ въ концѣ 50 годовъ, заставило его измѣнить своему обычному правилу и выступить съ нѣсколькими журнальными статьями, заслуживающими въ наше время особеннаго вниманія. Анти-историческое направленіе проявлялось главнымъ образомъ въ произвольныхъ взглядахъ на древнюю Русскую исторію. Оно, напримѣръ, отрицало родовой бытъ и этимъ ставило исторію Русскаго народа внѣ общихъ законовъ, по которымъ развивалась исторія другихъ европейскихъ народовъ. Подобно тому, какъ у западныхъ народовъ, прежде чѣмъ установилось въ исторіи научное направленіе, идеализировали вольности предковъ, такъ и въ русской литературѣ явились поклонники вѣчеваго начала, стали преувеличивать значеніе земскихъ соборовъ и для бо́льшей важности выводить московскіе соборы изъ древняго городскаго вѣча. Но кромѣ искаженія отдѣльныхъ сторонъ Русской исторіи, анти-историческое направленіе устанавли-

---

[1]) Истор. письма, I, стр. 11.

вало совершенно превратный взглядъ на общій ходъ Русской исторіи. Съ этой точки зрѣнія Русская исторія представляла постоянное уклоненіе отъ истиннаго пути. Не говоря уже о мнѣніи, будто Петровское преобразованіе насильственно оторвало Россію отъ самобытнаго, національнаго развитія, оказалось, что роковая ошибка была сдѣлана гораздо раньше, что въ концѣ XV вѣка захотѣли по византійской формѣ опредѣлить общественную жизнь Россіи, еще искавшую тогда своего равновѣсія и что уже тогда и можетъ быть вслѣдствіе этого начался упадокъ русской образованности. „Подчинивъ развитіе общества чужой формѣ, русскій человѣкъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности живаго и правильнаго возрастанія въ самобытномъ просвѣщеніи“ [1]). Совершенно послѣдовательно былъ потомъ сдѣланъ послѣдній логическій шагъ въ воздушное пространство; упадокъ самобытности Русскаго народа начинали считать не съ конца XV в., „когда стали смѣшивать христіанское съ византійскимъ“, а съ X вѣка, когда національная религія днѣпровскихъ славянъ должна была уступить мѣсто христіанству.

Понятно, что основатель историческаго направленія въ Русской исторіи не могъ равнодушно относиться къ этому отрицанію исторіи. Но интересъ исторической науки былъ въ этомъ случаѣ тѣсно связанъ съ высшими интересами общества. Анти-историческое направленіе, отрицавшее прогрессъ въ Русской исторіи, было въ то-же время отрицаніемъ современной цивилизаціи, результата предшествовавшаго прогресса.

Противъ этого враждебнаго отношенія къ современной цивилизаціи не могъ не выступить приверженецъ русскаго гуманизма. Съ свойственною ему широтою взгляда, добытаго черезъ близкое знакомство съ общею исторіею человѣчества, онъ тотчасъ привелъ въ связь это современное отрицаніе прогресса съ подобными-же стремленіями въ другія времена. Онъ вспомнилъ, „сколько разъ человѣчество приходило въ отчаяніе отъ прогресса, протестовало противъ него, старалось остановить его, уйдти отъ него“!

„Самый мягкій, самый дряблый изъ народовъ Востока, народъ Индійскій, первый наскучилъ борьбою жизни, не могъ сладить съ прогрессомъ, привести въ возможную гармонію отношенія, имъ порожденныя, и протестовалъ противъ него“.

Характеризовавши это индійское отрицаніе прогресса, выразившагося въ религіозной формѣ буддизма, историкъ указываетъ, что и греки въ концѣ своего блестящаго, но односторонняго развитія, не могли сладить съ прогрессомъ, и у нихъ явился протестъ противъ него, который преимущественно обнаружился въ политическихъ сочиненіяхъ Платона: „Здѣсь высказалось стремленіе возвратить общество къ первоначальной простотѣ и единству, остановить дальнѣйшее дви-

[1]) „Русская Бесѣда“ 1857 г., № 1.

женіе, развитіе личныхъ отношеній, личныхъ способностей, личныхъ средствъ, и высшимъ идеаломъ поставлено то общество, въ которомъ у человѣка отняты семейство и собственность, два могущественные двигателя при развитіи силъ человѣка" [1]).

И въ стремленіи буддистовъ уйдти отъ жизни, и въ мечтахъ греческаго философа о преобразованіи современнаго ему строя, и въ ихъ отвращеніи отъ движенія жизни, въ ихъ неумѣньи сладить съ прогрессомъ и желаніи остановить его, возвратиться къ первоначальной простотѣ, однообразію, небытію — нашъ историкъ видѣлъ одинаковое непризнаніе достоинства человѣка, одинаковое презрѣніе къ его нравственнымъ силамъ.

Тѣ же знакомыя черты стараго буддизма С. М. Соловьевъ находилъ и въ современномъ анти-историческомъ направленіи и потому видѣлъ въ немъ не что иное, какъ новый буддизмъ.

И этотъ новый буддизмъ былъ враждебенъ прогрессу, не хотѣлъ признавать его ни въ исторіи, ни въ современномъ обществѣ, стремился уйдти отъ него, искалъ свои идеалы назади, въ первобытныхъ формахъ, предшествовавшихъ исторической жизни, и потому не только искажалъ исторію, но ставилъ современному обществу ложныя задачи, манилъ его на путь, который велъ къ застою, велъ къ разрушенію результатовъ, добытыхъ исторіей. Приманка, выставленная новымъ буддизмомъ для того, чтобы увлечь современное общество къ самоуничтоженію, заключалась въ одностороннемъ представленіи о народности.

Принципъ народности былъ въ извѣстномъ смыслѣ плодомъ реакціи противъ крайности предшествовавшаго космополическаго принципа. Это была великая идея, оказавшая могучее и плодотворное вліяніе на политическое и духовное развитіе многихъ европейскихъ народовъ. Примѣненіе ея къ исторіи также имѣло своимъ послѣдствіемъ важный успѣхъ въ наукѣ; она привела къ болѣе реальному пониманію исторической жизни народовъ, на которую не обращала вниманія отвлеченная доктрина XVIII в. Но какъ всякое новое начало, и принципъ народности не избѣгнулъ искаженія, подвергся тому, что долженъ былъ служить средствомъ для стремленій отсталыхъ и для стремленій враждебныхъ обществу, подрывавшихъ значеніе новаго начала. Въ двухъ отношеніяхъ подвергнулся искаженію смыслъ новаго принципа, одинаково вредныхъ для цивилизаціи—въ національномъ и въ сословномъ. Приверженцы перваго увлеченія сводили національное къ антагонизму противъ общечеловѣческаго, приверженцы втораго искали національное только въ массѣ народа, въ одномъ сословіи—въ крестьянскомъ. Въ русской литературѣ 50 годовъ обѣ крайности большею частью соединялись въ однихъ и тѣхъ же представителяхъ. Отвергая прогрессъ, отвергая общечеловѣческое раз-

---

[1]) Истор. письма, I.

витіе, приверженцы этого направленія искали свой идеалъ въ первобытныхъ формахъ и потому видѣли отступленіе отъ идеала въ томъ, что эти формы народной жизни подверглись вліянію общечеловѣческой культуры и въ то же время идеализировали первобытный строй, сохранившійся среди крестьянства; сѣтовали на то, что отъ однообразной массы отдѣлилась извѣстная часть народа, явились другія сословія, произошло развитіе политическихъ и общественныхъ формъ.

С. М. Соловьевъ энергически возставалъ противъ этихъ увлеченій въ современномъ Русскомъ обществѣ. Во имя гуманнаго начала онъ протестовалъ противъ самозваннаго стремленія къ народности, которое обыкновенно присоединяется къ буддистскимъ стремленіямъ. Онъ приводилъ въ связь узкое представленіе народности съ „мелкой недостойной великаго народа враждой, съ завистью къ другимъ народамъ". Онъ указывалъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, новые буддисты видятъ миражъ, предметы представляются имъ вверхъ ногами, они не догадываются, что прогрессъ, цивилизація, не уничтожаютъ народности, а наоборотъ, могущественно развиваютъ ее.

Превосходное доказательство справедливости этого положенія представляетъ вся Русская исторія и особенно Петровскій переворотъ. Петра Великаго и вообще русскихъ людей XVIII вѣка упрекаютъ за то, что они рабски подражали чужому, брали все безъ разбора, не обращая вниманія на свое, на приложеніе чужаго къ своему, но, замѣчаетъ на это историкъ, подобный разборъ, подобная разсудительность, безпристрастная оцѣнка своего и чужаго, могла быть только слѣдствіемъ развитаго сознанія,—а какъ оно могло быть развито прежде, „при безсознательномъ подчиненіи принятому, освященному вѣками? Это ясное различеніе своего и чужаго, это разумное, глубокое обращеніе вниманія на себя и на свое, могло быть только плодомъ долговременной жизни народа въ обществѣ другихъ народовъ, могло быть только плодомъ долговременнаго упражненія мысли народной, плодомъ глубокаго просвѣщенія" [1]).

Совершенно также возставалъ С. М. Соловьевъ противъ другой стороны самозваннаго стремленія къ народности, видѣвшаго, какъ выразился нашъ историкъ, „въ деревенской избѣ единственную купель очищенія для образованнаго общества". Вполнѣ сочувствуя тому, что было высокаго и благодѣтельнаго въ симпатіи къ судьбѣ и положенію народныхъ массъ, пробудившейся въ XIX вѣкѣ и вызвавшей въ Россіи вслѣдствіе извѣстныхъ условій особенный интересъ къ крестьянскому сословію, С. М. Соловьевъ не могъ примириться съ тѣми крайностями, которыя нарушали цѣльное понятіе о народной жизни, идеализировали застой, высокое дѣлали пошлымъ, и благодѣтельное—вреднымъ.

Его ясный умъ, достигшій въ строгой школѣ науки самообладанія

[1]) Шлецеръ, 465.

и зрѣлости, былъ далекъ отъ тѣхъ мистиковъ, которые „не обладаютъ предметомъ своего мышленія, но которыми этотъ предметъ обладаетъ". Онъ хорошо сознавалъ, что прогрессъ, развитіе, расчленяютъ, ведутъ къ разнообразію формъ бытовыхъ и общественныхъ; онъ потому не могъ сочувствовать тѣмъ, которые въ бытѣ крестьянскаго сословія видѣли послѣднее слово исторіи, идеалъ человѣческаго общежитія. Мастерски характеризовавъ крестьянское сословіе, онъ спрашивалъ: почтенныя свойства крестьянъ, какъ сословія, не могутъ быть оспариваемы, но что же если цѣлый народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльческаго класса сословія? Онъ предостерегалъ своихъ современниковъ противъ „доведеннаго до крайности взгляда на значеніе народныхъ массъ безъ должнаго опредѣленія отношенія ихъ къ своимъ историческимъ представителямъ" [1]). Онъ ставилъ на видъ новымъ буддистамъ, „то, чего они никакъ не хотѣли понять", а именно— „что по общему непреложному закону развитія люди низшихъ слоевъ общества, въ которыхъ по ихъ мнѣнію сохраняется истый народный духъ, по всѣмъ понятіямъ, обычаямъ, повѣрьямъ, гораздо сходнѣе съ подобными же себѣ у другихъ народовъ, нежели члены образованнаго общества въ разныхъ народахъ, и народный духъ слѣдовательно обитаетъ по преимуществу въ образованныхъ классахъ общества, ибо здѣсь высшая, духовная область, область сознанія" [2]). Онъ заставлялъ ихъ поглядѣть на себя въ зеркало, указывая имъ на подобныя увлеченія у сосѣдняго народа и для этого написалъ подробный критическій разборъ книги извѣстнаго нѣмецкаго писателя Риля, который также возставалъ противъ чуждаго, нехорошаго вліянія, также совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ возвратиться въ лѣсъ, также вздыхалъ о первобытныхъ, сельскихъ формахъ, восхищался цѣльностью и глубокомысліемъ древне-германскаго начала, еще не подвергшагося вліянію христіанства, и, видя въ крестьянахъ вѣрныхъ хранителей старины, прославлялъ рустицитетъ. Противъ защитниковъ рустицитета С. М. Соловьевъ выступилъ съ цѣльнымъ гуманнымъ представленіемъ о народности, которымъ онъ заключаетъ свой разборъ книги Риля: „Еслибы Риль не позабылъ многаго, еслибы не освобождался отъ науки, какъ отъ докучнаго произведенія ненавистнаго прогресса, то не былъ бы германофиломъ и не сталъ бы искать нѣмецкой народности именно тамъ, гдѣ ея нѣтъ; тогда бы онъ зналъ, что нѣмецкая народность выразилась въ твореніяхъ Шиллера и Гете, Баха и Моцарта, Канта и Шеллинга, а не въ преданіяхъ избы, одинакихъ у разныхъ народовъ, въ избахъ живущихъ" [3]).

Разборъ книги столь талантливаго, столь благонамѣреннаго писателя показывалъ, по словамъ Соловьева, ясно, „къ какимъ

[1]) Ист. Рос., XVIII т., 249.
[2]) Ист. письма, I, 22.
[3]) Тамъ же, I, 27.

неимовѣрнымъ странностямъ и къ какому безплодію ведетъ анти-историческое направленіе и этотъ буддистскій протестъ противъ прогресса, это стремленіе возвратиться къ первоначальной простотѣ, этотъ матеріализмъ, невѣріе въ нравственныя силы человѣка, который по мнѣнію буддистовъ тогда только чистъ и свѣжъ, когда живетъ въ лѣсу“ [1]). Такому взгляду на народъ, съуживающему это понятіе, С. М. Соловьевъ противополагаетъ вѣрное воззрѣніе на общественный строй: „Въ новомъ обществѣ видимъ нѣсколько общественныхъ органовъ другъ подлѣ друга, связанныхъ единствомъ народнымъ и государственнымъ, видимъ церковь, законъ, городъ, село. Правильнѣйшее опредѣленіе отношеній между общественными органами, такое опредѣленіе, при которомъ бы эти органы не враждовали, не исключали, не подавляли другъ друга, но, сознавая значеніе каждаго, поддерживали другъ друга,—такое опредѣленіе отношеній составляетъ задачу европейско-христіанскаго общества“ [2]).

Далѣе культурное вліяніе автора „Исторіи Россіи“ проявляется въ его пониманіи государства и отношеній его къ народу. Мы говорили уже о національномъ и научномъ пониманіи государства у Соловьева; намъ приходится здѣсь указать на значеніе этого взгляда, на его важность для Русскаго общества. Объясняя заслуги автора „Исторіи Государства Россійскаго“, С. М. Соловьевъ спрашиваетъ: „Что такое племя, что такое народъ безъ государства? — Матеріалъ, нестройный, безформенный матеріалъ; только въ государствѣ народъ заявляетъ свое историческое существованіе, свою способность къ исторической жизни; только въ государствѣ становится онъ политическимъ лицомъ съ своимъ опредѣленнымъ характеромъ, съ своимъ кругомъ дѣятельности, съ своими правами. Первое драгоцѣннѣйшее благо государства есть независимость, самостоятельность, потомъ возможность заявить свое существованіе въ болѣе или менѣе широкой дѣятельности, участвовать въ общей жизни значительнѣйшихъ государствъ, лучшихъ представителей человѣчества“ [3]).

Здѣсь ясно выступаетъ цѣльный взглядъ на государство по отношенію его къ народу, и на первый планъ выставляется культурное назначеніе государства. Тотъ же взглядъ проявляется въ словахъ, гдѣ обозначаются общественныя задачи государственной власти: „Но вотъ цѣльное государство мало по малу образуется, усиливается стремленіе къ единству, усиливаются средства того начала, которое блюдетъ за соединеніемъ частей для достиженія общей цѣли, блюдетъ за соблюденіемъ мира и согласія между членами, за общественной безопасностью,—начала правительственнаго“ [4]).

Этимъ внутреннимъ объединеніемъ однако не ограничивается за-

[1]) Истор. письма, I, 27.

[2]) Тамъ же, I, 11.

[3]) Рѣчи въ день Карамз. юб., 7.

[4]) Ист. письма, I, 13.

дача нравственной власти; этотъ результатъ только средство для достиженія общечеловѣческихъ цѣлей. Описывая великую эпоху, въ которой вырабатывалось начало единенія, историкъ говоритъ: „Человѣкъ освобождался изъ тѣсныхъ замкнутыхъ частныхъ союзовъ и становился членомъ государства, опредѣлялись непосредственныя отношенія каждаго человѣка къ государству, отсюда естественнымъ, необходимымъ путемъ выработалась идея человѣчества“ [1]).

Подтвержденіемъ и проводникомъ такого взгляда служитъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Успѣхъ русской мысли чрезвычайно ясно обрисовывается при сравненіи этого сочиненія съ „Исторіей Государства Россійскаго“. Историческое направленіе приносило съ собой органическій взглядъ на государство и не нуждалось въ монголахъ, чтобы объяснить развитіе сильной государственной власти въ Россіи. Также органически объясняло оно и самыя историческія формы этой государственной власти. У Карамзина для объясненія ихъ поставлена на первый планъ глубокомысленная политика князей московскихъ, которые не удовольствовались собраніемъ частей въ цѣлое, а связали ихъ твердо и единовластіе усилили самодержавіемъ. По мнѣнію автора „Исторіи Государства Россійскаго“ московскіе великіе князья не только дали Русскому народу самодержавіе, но дали ему и тѣ свойства, которыя требовали для Россіи самовластія. У историка „Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ формы народной жизни обусловливаютъ собой формы государственной власти, и цѣль не смѣшивается со средствомъ. „Когда, говоритъ онъ по отношенію къ централизующему значенію Москвы,— части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особною жизнію, не связаны раздѣленіемъ занятій, когда нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію, когда сообщенія затруднительны, сознанія общихъ интересовъ нѣтъ, то раздробленныя такимъ образомъ части приводятся въ связь, стягиваются правительственною централизаціею, которая тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе внутренняя связь; централизація восполняетъ недостатокъ внутренней связи, условливается этимъ недостаткомъ и разумѣется благодѣтельна и необходима, ибо безъ нея все бы распалось и разбрелось: это хирургическая повязка на больномъ членѣ, страдающемъ потерею внутренней связи, внутренней сплоченности“ [2]).

Всего яснѣе выступаетъ цѣльность взгляда у С. М. Соловьева на отношеніе государственной власти къ обществу въ его представленіяхъ о Петрѣ Великомъ и объ отношеніяхъ его личной дѣятельности къ Русскому народу. Историкъ, видѣвшій въ этомъ народѣ европейски-христіанское общество, развивавшееся при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ и особенностяхъ, конечно долженъ былъ чрезвычайно сочувствовать тому дѣятелю, благодаря которому особенно проявился европейскій характеръ Русскаго народа. Но при этомъ, какою умѣренно-

[1]) Ист. письма, I, 14.
[2]) XIII т. 27.

стью, какою историческою правдою отличается его взглядъ. Отвергая крайнія мнѣнія какъ наивныхъ поклонниковъ, такъ и порицателей Петра, историкъ заявляетъ, что не можетъ настраивать своего повѣствованія о дѣлахъ Петра Великаго на тонъ хвалебныхъ пѣснопѣній Крекшинскихъ и Ломоносовскихъ; не можетъ восклицать, что Петръ привелъ русскихъ людей отъ небытія къ бытію и проч., но и не можетъ согласиться съ людьми, которые такъ часто говорятъ о любви къ русскому, къ Русской исторіи, позволяютъ себѣ унижать Русскій народъ, низводятъ его на степень не-историческаго народа, предполагая, что одинъ человѣкъ могъ увлечь его на неправый путь. Нѣтъ, „историкъ очень хорошо знаетъ, что вѣкъ Петра былъ вѣкомъ не свѣта, а разсвѣта; съ разсвѣтомъ начинается движеніе, пробужденіе; но разсвѣтъ, полумракъ, мерцаніе условливаетъ также хожденіе ощупью, спотыканіе.... Величіе Петра состоитъ въ томъ, что онъ началъ великое дѣло народнаго просвѣщенія, съ юношескою силой и самоотверженіемъ отдалъ этому дѣлу всего себя и въ силу своей геніальности въ короткое время сдѣлалъ изумительно много, разумѣется во внѣшнемъ, матеріальномъ отношеніи преимущественно, ибо его призваніе было начинать, а человѣкъ всегда и во всемъ начинаетъ со внѣшняго.... Историческій народъ, каковъ Русскій, не допускаетъ дѣятелей, подобныхъ гунскимъ, татарскимъ, Аттиламъ, Чингисханамъ, Тамерланамъ, которые силою своей воли увлекаютъ народныя массы, передвигаютъ ихъ съ одного мѣста на другое; повинуясь увлекающей силѣ, народы эти движутся стремительно, но потомъ останавливаются, возвращаются къ прежнему образу жизни, когда вождей нѣтъ болѣе. У народовъ историческихъ великій дѣятель есть полный представитель своего народа въ извѣстную эпоху, выполнитель потребностей, чувствуемыхъ народомъ въ извѣстное время; вождь, за которымъ народъ идетъ свободно и продолжаетъ начатое дѣло, когда вождя уже нѣтъ болѣе. Таковъ былъ именно Петръ Великій, полный представитель своего народа, сынъ своего вѣка, передовой человѣкъ въ томъ стремленіи, которое являлось какъ необходимое“ [1]).

Тотъ же взглядъ проводится на Петровскій переворотъ и въ „Исторіи Россіи“. Онъ называется Петровскимъ по имени главнаго дѣятеля въ немъ, но представляетъ собою дѣло народное, подготовленное исторіей народа. „Если наша революція въ началѣ XVIII вѣка, говоритъ историкъ, была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполнѣ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ, Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру“ [2]).

Съ другой стороны историческій народный характеръ переворота

---

[1]) Шлецеръ, 472.
[2]) XIV т. 104.

не долженъ помѣшать историку оцѣнить значеніе главнаго его виновника.... „И дѣятельность Петра была приготовлена всей предшествовавшей исторіей, необходимо истекала изъ нея, требовалась народомъ, который долженъ былъ путемъ страшнаго переворота, посредствомъ необычайнаго напряженія силъ, выйти изъ отчаяннаго положенія на новую дорогу, къ новой жизни. Но это нисколько не уменьшаетъ величія человѣка, который, при совершеніи такого труднаго подвига, подалъ мощную руку великому народу, необычайною силою своей воли напрягъ всѣ его силы, далъ направленіе движенію" [1]).

И такъ, подвигъ великаго царя становится вмѣстѣ съ тѣмъ подвигомъ Русскаго народа, подвигомъ, „подобнаго которому не совершалъ никогда ни одинъ народъ". Геній Петра, по опредѣленію историка, „усматривается въ ясномъ уразумѣніи положенія своего народа и своего собственнаго, какъ вождя этого народа"; величіе его выказывается въ томъ, что онъ созналъ свою обязанность „вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи". Такимъ образомъ Соловьевъ съумѣлъ указать въ исторіи величайшаго изъ государственныхъ дѣятелей Россіи на значеніе народа и построить на этомъ прочномъ основаніи исторію государства.

Въ этомъ же отдѣлѣ своего сочиненія историкъ имѣлъ возможность ясно высказать свой взглядъ на призваніе и значеніе государства. И въ данномъ также случаѣ легко оцѣнить значеніе этихъ взглядовъ, если сопоставить ихъ съ мнѣніями, которыя высказывались въ „Исторіи Государства Россійскаго". Идеаломъ государственнаго правителя въ глазахъ Карамзина является Іоаннъ III. Онъ возводится на высшую степень величія не только передъ другими царями до-Петровской Руси, но и сравнительно съ Петромъ. Онъ изображенъ великимъ монархомъ, „достойнѣйшимъ жить и сіять въ святилищѣ исторіи", потому что ему суждено было совершить два великіе подвига: освободить Россію отъ татаръ и водворить единовластіе неограниченное [2]). При такомъ взглядѣ легко могло укрыться отъ взора наблюдателя значеніе новыхъ, существенныхъ чертъ Петровскаго государства. Эти черты указаны, оцѣнены историческимъ направленіемъ. Государство, по идеѣ Петра, становится школою для народа; „народъ дѣйствительно учится, учится не одной цифири и геометріи, не въ однихъ школахъ, русскихъ и заграничныхъ; народъ учится гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности" [3]).

Вся система Петра была направлена противъ главныхъ золъ, которыми страдала древняя Россія, противъ разрозненности силъ, непривычки къ общему дѣлу, противъ отсутствія самодѣятельности, от-

---

[1]) XVIII т., 247.

[2]) Галаховъ. Юб. Карамзина. „Вѣстникъ Европы" 1866, т. IV, стр. LXIII.

[3]) XVIII т., стр. 251 и сл.

сутствія способности начинать дѣло. Указавши на учрежденіе Сената, историкъ поясняетъ взглядъ Петра на это учрежденіе: „Петръ не ревновалъ къ созданной имъ власти, не ограничивалъ ее; наоборотъ, онъ постоянно и безцеремонно требовалъ, чтобы Сенатъ пользовался своимъ значеніемъ, чтобы былъ именно правительствующимъ“. Прежде русскій человѣкъ, принимавшій порученіе правительства, привыкъ ходить на помочахъ; „ему не вѣрили, боялись его малѣйшаго движенія и потому спеленывали какъ ребенка въ длинный, подробный наказъ“. Отсюда привычка требовать указовъ, которая такъ сильно сердила Петра. Упомянувъ о введенныхъ Петромъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, историкъ раскрываетъ ихъ смыслъ, показываетъ, какъ „изъ-за отдѣльныхъ лицъ выдвинулись учрежденія и надъ всѣми ими поднялось государство, о настоящемъ значеніи котораго русскіе люди услыхали въ первый разъ теперь, когда должны были присягать государству..... Но, выставивъ значеніе государства, заставивъ повидимому приносить этому новому божеству тяжелыя жертвы и самъ подавая примѣръ, Петръ однако принялъ мѣры, чтобы личность не была подавлена, а получила должное, уравновѣшивающее развитіе“. На первомъ мѣстѣ здѣсь разумѣется должно быть поставлено образованіе, введенное Петромъ, знакомство съ европейскими народами.... Такимъ образомъ начертана была обширная программа на много и много лѣтъ впередъ.

Этотъ научно-гуманный духъ, который высказывается въ воззрѣніяхъ Соловьева на Петра Великаго и установленный имъ строй, проникаетъ и всѣ слѣдующіе за исторіей Петра томы великаго труда. Въ этомъ самомъ духѣ была бы конечно и окончена „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, если бы она не была прервана такъ неожиданно. Историкъ однако успѣлъ уже ясно намѣтить свой взглядъ на знаменитое царствованіе Екатерины II, когда послѣ тревожной эпохи преобразованія и переходнаго времени Елизаветинскаго царствованія явились плоды тяжелой черной работы русскихъ людей въ первую половину XVIII вѣка. Благодаря искусной и твердой правительственной рукѣ, движеніе впередъ шло безостановочно; но шло правильно, спокойно и осторожно, при ясномъ сознаніи того, откуда надобно было идти и куда стремиться. Историкъ указалъ, „какая произошла перемѣна въ основномъ взглядѣ русскихъ людей въ царствованіе Екатерины, какъ они заявили свое недовольство однимъ внѣшнимъ и требовали внутренняго, требовали „вложенія души въ тѣло“ и какъ „требованіе было удовлетворено“.

Предшествовавшія указанія дали намъ достаточно основаній для общей оцѣнки дѣятельности С. М. Соловьева, какъ историка и для опредѣленія его мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ исторіи выражается народное самопознаніе и исторіографія служитъ средствомъ для его выясненія. Въ лицѣ С. М. Соловьева русская исторіографія довершила задачу, которую она такъ давно стремилась выпол-

нить. Въ немъ соединились всѣ условія, необходимыя для національнаго историка въ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова. „Самопознаніе есть вѣнецъ знанія: можно ли было ожидать вѣнца знанія въ то время, когда знаніе еще было въ зародышѣ“? — спрашивалъ С. М. Соловьевъ по поводу историковъ XVIII вѣка. Ему было суждено поставить созидающееся зданіе русской исторіографіи на прочномъ основаніи, потому что этимъ основаніемъ была современная европейская наука. Но историческая наука не должна представлять только зеркало для прошедшаго, она имѣетъ культурное, общественное призваніе, и такъ понималъ свою задачу С. М. Соловьевъ. Для русской науки, какъ и для всякой другой, эта задача выполнима только въ союзѣ съ обще-европейскимъ просвѣщеніемъ, и въ этомъ отношеніи С. М. Соловьевъ направилъ русскую исторіографію на вѣрный путь; ни его патріотизмъ, ни его преданность православной церкви не мѣшали ему считать себя европейцемъ и требовать отъ Русскаго общества, чтобы европейское ему не было чуждо. Онъ сдѣлалъ болѣе; онъ доказалъ своей исторіей, что стремленіе къ европейской наукѣ и обще-человѣческому просвѣщенію есть исконное стремленіе въ Россіи, есть національное стремленіе. Историческіе труды Соловьева раскрыли постепенное, но непрерывное развитіе этого стремленія отъ первыхъ зародышей его въ „ревнителяхъ просвѣщенія“ въ древней Руси, отъ болѣе яснаго проявленія его въ „русскихъ исповѣдникахъ просвѣщенія“ [1]) въ XVII вѣкѣ, до сознательнаго упроченія его въ преобразованіяхъ великаго царя. Въ рядахъ этихъ русскихъ ревнителей просвѣщенія одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ принадлежитъ русскому національному историку, основателю историческаго направленія въ Русской исторіи, такъ высоко понимавшему какъ научный характеръ, такъ и просвѣтительное призваніе русской исторіографіи и оставившему своимъ преемникамъ слѣдующій великій завѣтъ:

„Положительная сторона въ трудахъ по Русской исторіи обозначилась ясно: послѣдователи историческаго направленія съ глубокимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдятъ за строеніемъ великаго зданія, замѣчаютъ, какъ участвуетъ въ этой постройкѣ каждый вѣкъ, каждое поколѣніе, что прибавляетъ къ зданію прочнаго, остающагося; участіе къ строителямъ, къ передовымъ людямъ въ дѣлѣ созиданія усиливается при видѣ тѣхъ страшныхъ препятствій, съ которыми они должны были бороться; съ особеннымъ сочувствіемъ прислушиваются къ жалобѣ на недостатокъ свѣта. И вотъ наконецъ является свѣтъ, сначала слабый, потомъ постепенно распространяется; но чѣмъ болѣе распространяется онъ, тѣмъ болѣе чувствуется въ немъ нужда, требуется, чтобы все зданіе было освѣщено, чтобы всѣ работники видѣли другъ друга и тѣмъ согласнѣе могли дѣйствовать, чтобы не было темныхъ угловъ, куда бы могли укрыться и лѣнь, и зло; отовсюду слышится громкій, утѣшительный вопль: „свѣта больше, свѣта“!

[1]) „Русск. Вѣстн.“ 1857 г., сентябрь.

Сказавши объ историкѣ, мы должны сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, потому что въ С. М. Соловьевѣ обширности и глубинѣ знанія, плодотворной дѣятельности въ наукѣ, соотвѣтствовали, что не всегда бываетъ, благородный и цѣльный характеръ, высота нравственнаго бытія. Честный историкъ былъ и честнымъ гражданиномъ. Правды, которую онъ вносилъ въ исторію, онъ всегда требовалъ и въ жизни отъ себя и отъ другихъ; онъ допускалъ для осуществленія правды только чистыя средства, признавалъ только прямой и открытый путь. Онъ служилъ правдѣ не однимъ неусыпнымъ ученымъ трудомъ, не одними только убѣжденіями, а всею своею личностью. По смерти Грановскаго и Кудрявцева онъ сталъ въ университетѣ главнымъ представителемъ исходившаго отъ нихъ преданія и былъ въ немъ центромъ для людей, особенно дорожившихъ этимъ преданіемъ Нравственная сила, поддерживаемая этимъ преданіемъ, не замедлила обнаружиться въ университетской жизни, но вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій не могла взять верхъ, и въ 1867 г. С. М. Соловьевъ съ пятью близкими ему лицами нашелъ нужнымъ выйдти изъ университета. Къ счастію онъ былъ тогда возвращенъ Московскому университету и когда послѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ профессорской корпораціи, университетъ, признавая его значеніе, избралъ его въ ректоры, для этого учрежденія наступила новая счастливая пора внутренняго развитія, оправдавшая начала, положенныя въ основаніе Университетскаго устава 1863 г. Ректорство С. М. Соловьева было знаменемъ служенія однимъ только научнымъ интересамъ и широкаго пониманія задачъ университетской жизни. Но если Московскій университетъ не забудетъ времени, когда во главѣ его стоялъ С. М. Соловьевъ, то нельзя также забыть, что для него самого это было не радостное время. Только по чувству долга по отношенію къ университету онъ принялъ ректорство, отъ котораго долго отказывался, сказавъ при этомъ лицамъ убѣждавшимъ его: „Господа, я принимаю, потому что это тяжело!“—Тяжелый для него долгъ онъ исполнялъ съ свойственной ему добросовѣстностью, съ тѣмъ миролюбіемъ и той прямотой, которыя отражались въ его кроткомъ и чистомъ взглядѣ. Но слова, написанныя имъ нѣкогда объ исповѣдникахъ просвѣщенія въ XVII вѣка, отстаивавшихъ права зарождавшейся въ Россіи науки, что имъ „нужно было много труда, много жертвъ и страданій“—сдѣлались какъ-бы пророческими словами для него самого. Ему опять пришлось бороться противъ недовѣрія къ наукѣ, „происходившаго отъ неумѣнья сладить съ прогрессомъ, отъ стремленья остановить его, возвратиться къ первоначальнымъ формамъ“. Но теперь дѣло шло не о литературныхъ направленіяхъ, не объ историческихъ взглядахъ, оно касалось жизненныхъ формъ русской науки, университетскаго строя. Ученый, который своею многолѣтнею всѣми признанною дѣятельностью, доказалъ, какъ онъ умѣлъ согласовать самую искреннюю, разумную преданность государственному началу съ

безкорыстнымъ стремленіемъ къ наукѣ и просвѣщенію, — могъ конечно вѣрнѣе и безпристрастнѣе многихъ другихъ судить объ истинныхъ потребностяхъ русской науки. Но ему не суждено было дать перевѣсъ тому, что онъ считалъ правымъ дѣломъ и весною 1877 г. С. М. Соловьевъ былъ принужденъ оставить ректорство и прославленную имъ каѳедру. Надежды людей, понимающихъ, что наука живетъ въ лицахъ, а не въ учрежденіяхъ, желаніе ихъ видѣть знаменитаго историка снова во главѣ университета, не сбылись.... 4-го октября въ день годовщины смерти Грановскаго, С. М. Соловьевъ скончался.

Говорить подробнѣе о значеніи и дѣятельности С. М. Соловьева, какъ представителѣ Московскаго университета, было-бы здѣсь неумѣстно. Объ этомъ скажетъ исторія Московскаго университета и должна сказать исторія русскаго просвѣщенія. Но не упомянуть объ этомъ въ характеристикѣ С. М. Соловьева значило-бы упустить изъ вида существенную сторону его жизни, цѣльность его натуры, связь свѣта и правды въ немъ; значило-бы позабыть о нравственномъ значеніи его личности для русской науки. Судьба обществъ и учрежденій зависитъ не отъ однихъ историческихъ законовъ, но и отъ успѣха въ нравственномъ развитіи, а это развитіе совершается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ характера и нравственной высоты передовыхъ личностей. Въ этомъ отношеніи С. М. Соловьевъ можетъ имѣть благотворное вліяніе на представителей науки и просвѣщенія въ Россіи; если для нихъ не пройдетъ безслѣдно его образъ, если на нихъ отпечатлѣется этотъ чистый, благородный типъ русскаго ученаго, то они исполнятъ свое призваніе подобно тому, какъ исполнили свой долгъ лучшіе люди той эпохи, когда, по словамъ историка, „здоровыя силы народа должны были находиться въ крайнемъ напряженіи для того, чтобы одолѣть многочисленныя и тяжкія болѣзни, поразившія общественное тѣло, когда лучшіе люди должны были обнаружить всю свою дѣятельность, и дѣятельность ихъ требовалась на разныхъ пунктахъ, ибо вездѣ общество сильно нуждалось въ свѣтѣ и правдѣ“!

В. Герье.

